ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 92 (3121) Вторник, 4 августа 1953 г. Цена 40 коп.

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

В МОСКВЕ, НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ

Приближается новый учебный год. На первый курс высших учебных заведений, включая вечерние и заочные институты, будет принято более четырехсот тысяч человек. Первого августа начались приемные испытания.

Заветная мечта многих молодых людей — поступить в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, старейшее высшее учебное заведение в стране. Заявления сюда подали около восьми тысяч юношей и девушек пятидесяти национальностей.

Студенты физического, химического, механико-математического, географического и геологического факультетов МГУ начнут учебный год в новом Дворце науки, воздвигнутом на Ленинских горах. Строители высотного здания готовятся открыть для советской молодежи двери Дворца науки первого сентября.

Парторг ЦК КПСС на строительстве Московского университета Г. Рыбаков в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» сообщил, что большинство из двадцати двух тысяч учебных, жилых, парадных и других помещений главного корпуса полностью отделано и сдано приемочной комиссии.

— Вот схема здания,— показал тов. Рыбаков на чертеж.— Заштрихованными прямоугольниками обозначены зоны, принятые комиссией. Остальные помещения, расположенные главным образом в подвальных этажах, мы сдадим в течение августа. Кроме того, к 1 сентября будут готовы корпуса физического и химического факультетов, расположенные близ центрального здания, а также ботанический сад. Число учебных пособий, изготовленных для университета, превышает 350 тысяч. Среди них — тысячи уникальных приборов и механизмов.

Кафедры геологического факультета, занимающего первые этажи высотного корпуса, получают ценное и многочисленное оборудование, позволяющее создать ряд новых лабораторий, которых прежде факультет не имел, в частности — большое количество современной электро- и радиоизмерительной аппаратуры, универсальные испытательные машины, а также богатое экспедиционное оснащение для полевых работ студентов-геологов.

В новом здании создается мощная фундаментальная библиотека с книжным фондом около двух миллионов томов, причем шестьсот тысяч из них будут собраны здесь к открытию университета.

500.000 посетителей

Сегодня в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького, закрывается Выставка промышленности и сельского хозяйства Китайской Народной Республики. За двадцать три дня в павильонах выставки побывало свыше полумиллиона человек. В отдельные дни количество посетителей превышало сорок тысяч человек. По просьбе москвичей выставку, которая должна была закрыться 30 июля, наши китайские друзья продлили на пять дней.

Завтра начнется демонтаж выставки. В течение пяти дней все экспонаты будут упакованы, погружены в специальные вагоны и отправлены в Германскую Демократическую Республику в город Лейпциг. Здесь 30 августа откроется международная ярмарка.

В Лейпциге, как и в Москве, наши друзья покажут, каких огромных успехов достиг китайский народ за три года свободной жизни в области промышленности, сельского хозяйства и культуры.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заместитель генерального секретаря Выставки промышленности и сельского хозяйства Китайской Народной Республики товарищ Лу Ти-инь просила поблагодарить москвичей за теплый прием и любовь к китайскому народу, веру в его успехи. Эта любовь и вера видны в каждой строке многочисленных книг отзывов о выставке.

Лу Ти-инь поблагодарила сотрудников Всесоюзной торговой палаты за своевременную доставку экспонатов, сооружение павильонов и отличную организацию работы выставки.

Памяти Леси Украинки

Советский народ с благодарным чувством читает книги замечательной украинской писательницы Леси Украинки. Они издаются у нас на языках народов СССР, и тираж их достигает почти 2 миллионов экземпляров.

За последнее десятилетие, не считая отдельных сборников, появилось три фундаментальных издания: в Гослитиздате в 1946 году вышел однотомник объемом в 38 печатных листов, включающий лирику, поэмы и драматические произведения; в 1950 году — собрание сочинений в трех томах под редакцией М. Рыльского, Н. Брауна и А. Дейча, в которое вошли лирика, поэмы, драмы, рассказы, статьи и избранные письма. Два года назад в большой серии «Библиотека поэта» («Советский писатель») выпущен том избранных произведений.

В этом году Гослитиздат, отмечая сороковую годовщину со дня смерти писательницы, выпустил книгу ее стихов и поэм тиражом 75 тысяч экземпляров.

Над переводами поэтических произведений Леси Украинки работает более двадцати советских поэтов. Литературоведы и критики продолжают разрабатывать богатое литературное наследие Леси Украинки, изучают ее литературно-критические и публицистические статьи, написанные на украинском и русском языках.

**

Сотни киевлян собрались 31 июля в Первомайском саду над Днепром на большой литературный вечер, посвященный сорокалетию со дня смерти Леси Украинки. После вступительного слова М. Рыльского с докладом о жизни и творчестве великой украинской писательницы выступил литературовед О. Бабышкин. Поэты В. Сосюра, В. Ткаченко, А. Турчинская, Л. Забашта прочитали новые стихи, посвященные памяти Леси Украинки.

Литературные вечера, посвященные памяти Леси Украинки, состоялись во многих городах Украины.

**

Общественность Грузии широко отметила сорокалетие со дня смерти выдающегося классика украинской литературы — Леси Украинки. В Сурами, где жила и скончалась писательница, почтить ее память съехались многочисленные представители заводов, фабрик, колхозов и интеллигенции Грузии. На памятник Леси Украинки были возложены венки и живые цветы.

Состоялся большой литературный вечер, организованный Союзом советских писателей Грузии. Вечер открыл первый секретарь Союза писателей республики И. Абашидзе. Доклад о жизни и творчестве Леси Украинки сделал литературовед Л. Асатиани. Переводы стихов Леси Украинки на грузинский язык, а также стихи, посвященные ей, прочитали К. Каладзе, С. Шаншиашвили, М. Алексидзе, А. Гомиашвили, В. Габескирия, Г. Цецхладзе.

Вечер вылился в яркую демонстрацию нерушимой дружбы народов нашей Родины.

Об открытии пятой сессии Верховного Совета СССР

Открытие сессии Совета Союза состоится завтра, 5 августа, в 2 часа дня в зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле.

Открытие сессии Совета Национальностей состоится завтра, 5 августа, в 4 часа дня в зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле.

IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Первые встречи в Бухаресте

Дм. ЕРЕМИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

В эти дни в Бухаресте стоит очень жаркая погода. Разогретый за день камень домов и улиц не успевает к утру остынуть, а поднимающееся в прозрачном, безоблачном небе солнце уже опять начинает свою работу...

В такой именно жаркий день 2 августа открылся IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов. С утра толпы людей потянулись по шоссе Якилуй к стадиону имени 23 августа, названному так в честь дня освобождения Румынии Советской Армией от фашистского ига.

Уже немало писали о том, как молодежь Румынии, готовясь к фестивалю, создала на окраине Бухареста в рекордно короткий срок спортивное сооружение. Чувство дружбы и международной солидарности, патриотический энтузиазм вдохновляли молодых строителей. Не удивительно, что более 120 тысяч жителей города и участников фестиваля, собравшихся в этот день на стадионе имени 23 августа, долго и горячо приветствовали одетых в темно-синие костюмы юных героев труда, когда те прошли вдоль трибун. Этот стадион — подарок румынской молодежи фестивалю, подарок и бухарестцам! И кажалось, молодые строители обходили стадион, проверяя, хорош ли он. Да, действительно, он хорош!

Читатели «Литературной газеты» уже знают из ежедневных газет, как проходило открытие Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Мне хотелось бы поэтому рассказать лишь о некоторых своих впечатлениях и, главным образом, о встречах с делегатами разных стран на улицах Бухареста.

Праздник юности мира начался так, как и должен начаться такой великий праздник: призывным звуком фанфар. На этот призыв из двух широких тоннелей на зеленое поле стадиона двинулся лес знамен. Впереди колонны знаменосцев — белое полотнище с эмблемой Всемирной федерации демократической молодежи. Стройные загорелые юноши и девушки медленно проносят вдоль трибун флаги своих государств, эмблемы и знамена своих организаций, а им навстречу летят разноязычные крики приветствий, аплодисменты, букеты живых цветов...

Одна за другой проходят делегации разных стран. Громом приветствий встречают трибуны юных посланцев великого Китая, делегатов героической Кореи. Идут делегаты Вьетнама, и навстречу им из колонны французов выбегают друзья. Они поднимают представителей молодежи сражающегося за свободу Вьетнама на сильные плечи и несут мимо трибун. Англичане обнимают малайцев и египтян. А заполнившие трибуны десятки тысяч людей восторженно приветствуют эти проявления дружбы и солидарности молодежи тех народов, которых враги мира хотят заставить убивать друг друга.

Торжественно проплывает вдоль трибун величавое красное знамя. Посланцев советской молодежи все присутствующие приветствуют стоя, и долго еще над стадионом не утихает буря аплодисментов, выражающих любовь и доверие собравшихся сюда со всех континентов к нашей Родине — надежному оплоту мира и безопасности народов.

Над головами людей кружат тысячи белых голубей, взлетают сотни разноцветных воздушных шаров, стадион звенит, колышется, расцветает все ярче, пышнее... И уже забываешь о жарком солнце, о многих часах, проведенных здесь, на только что построенной трибуне.

И когда позже, вечером, мы проходили по Бухаресту, вся эта феерия красок разлилась по живописным улицам и площадям, до краев заполнив пестрым шумящим потоком город.

В этом разноязычном потоке, как в ветреный день на большой реке, происходит то похожее на набегающую речную рябь, быстрое перемещение людей, одетых в яркие костюмы всех стран мира, то вокруг каких-то притягательных центров возникает стремительный человеческий водоворот. Чаще всего это начинается с того, что юный бухарестский пионер или миловидная застенчивая школьница решаются после долгих колебаний, остановить экзотически одетого юношу из Южно-Африканского Союза или смуглого, белозубого курда, в головном уборе, представляющем собой комбинацию из меховой шапки с шерстяной шалью; изящную тоненькую кореянку или ярко одетую девушку из Гваделупы; юного грека, мадагаскарца в белом халате и в белой же шапочке на черных, как смоль, волосах...

А в другом месте в центре внимания оказывается веселый итальянец, с зеленой косынкой на плечах, в коротких штанах, в студенческой шляпе, или блондин в голубой рубашке и белой кепке — в такой одежде приехали в Бухарест молодые немцы из Западной Германии. Так или иначе, но в человеческом потоке возникает секундная пауза, и сразу же вслед за этим румынского пионера и юного иностранца немедленно окружает толпа, и тогда вокруг них как бы образуется огромный живой букет. Такие живописные группы можно видеть сейчас всюду — у витрин, на перекрестках, под окнами многоэтажных жилых домов, под зеленью акаций или каштанов.

Вот на улице Победы появилась группа индонезийцев. Их окружают жители Бухареста. Завязывается разговор, главным образом с помощью знаков.

— Из какой вы страны?

— Индонезия,— произносит один из гостей, дружески улыбаясь. Он добавляет затем на румынском языке: — Мир и дружба!

Эти слова, встречающиеся всюду на лозунгах, украшающих Бухарест, запомнят на всю жизнь юноши и девушки, прибывшие из различных стран. Эти же слова на языке народа Индонезии рабочий Абес Ани вписывает в записную книжку румынского стахановца Флоря Мунтяну с завода «Красная звезда».

Флоря Мунтяну собрал уже немало автографов друзей из разных стран. В его записной книжке рядом с негром Ниакитом из Южной Африки поставил свою подпись итальянец Джанфранко Болении.

Подойдем к другой группе. Здесь идет оживленная, полная взаимного глубокого интереса дружеская беседа.

Молодой немец возмущенно рассказывает о том, как была задумана и как лопнула, источая зловоние клеветы и злобы, фашистская провокация в Берлине.

— Не вышло у них и не выйдет! — заканчивает он свою импровизированную речь, оглядывая лица внимательно слушающих его случайных прохожих. Он говорит так прямо и горячо потому, что убежден — перед ним друзья. Вместе с товарищами, стоящими рядом, он запевает песню, сочиненную им специально для фестиваля. Слова ее звучат примерно так:

Могучая птица дружбы!
Она летит над всем миром,
На ее крыльях мы прилетели сюда
в Бухарест...

Адим Джо прибыл на фестиваль из Нигерии. Он рассказывает, как совершила этот далекий путь делегация его страны.

Не дождаясь выступления в залах бухарестских театров, делегаты Нигерии исполняют тут же на улице для своих друзей один из народных танцев. Адим Джо говорит:

— От всей души мы желаем большого успеха фестивалю и сделаем все для того, чтобы содействовать этому. Да здравствует мир и дружба между народами!

А невдалеке юноша из Лиссабона, крепко держа за руку молодого негра из португальской колонии, негромко рассказывает о том, как его черный товарищ добирался из Африки в Лиссабон, как они вместе — без денег, рискуя быть арестованными жандармами Салазара,— отправились в Париж, а из Парижа — сюда, в столицу народной Румынии.

— Здесь я счастлив,— взволнованно говорит португалец.— Спасибо вам всем, друзья...

И он порывисто жмет руки окружающих его людей, затем пишет в тетрадке пионера слова привета и благодарности. Молодой португалец не называет своего имени, ведь ему еще предстоит тяжелый обратный путь. Он просто подписывается: «Делегат из Лиссабона». И еще: «Португальский студент».

Юные румыны понимающе покачивают головами. А стоящий здесь прохожий уже спешит туда, где опять собралась толпа и где слышится незнакомая речь другого юного гостя — участника фестиваля. Это Армандо Скорцони из Болоньи рассказывает о своей стране, о борьбе молодых итальянцев за мир и дружбу между народами.

Но не только своей радостью делятся участники фестиваля.

— На свете мало таких красивых стран, как Италия. Между тем, мы переживаем небывалые трудности,— рассказывает студент Магилини. Красная шляпа, украшающая его голову,— традиционная форма итальянских студентов медицины.

— Скоро вот я буду врачом. Но я с ужасом думаю: получу ли работу? Нам нужен мир для того, чтобы наш труд нашел себе применение. Нам нужен мир для того, чтобы строить, для того, чтобы каждый был обеспечен хлебом.

...Молодой флейтист из Восточного Берлина Клаус Фарт делится с румынскими друзьями своими планами и мечтами. Болгарин Апостолов в пестро вышитой полотняной рубашке восторженно рассказывает о том, как шел их поезд от болгаро-румынской границы до Бухареста: на всех остановках делегатов приветствовали тысячи и тысячи людей. Цветы, цветы... Неисчислимое количество цветов!

— Я бы хотел,— мечтательно говорит он,— чтобы V Всемирный фестиваль открылся у нас, в Софии...

В этой группе еще идет оживленный, полный веселья и шуток разговор, а рядом уже возникает новая группа. Черноволосый Ван Тун-хуа, улыбаясь, пишет в блокноте румынского студента четкую цепь иероглифов, выражающих чувство братской дружбы, которое испытывает молодой китаец к своему новому другу. Они пытаются объясниться, пускай в ход обрывки английских, французских фраз. Увы, ничего не выходит. Но вот прорывается русское слово. За ним второе, третье. Возникла фраза. Нашелся общий язык! Румын и китаец, счастливые, похлопывают друг друга по угловатым плечам, сильно стискивают ладони, смеются. На них, также улыбаясь, смотрят все, кто стоит вокруг...

Не побывав в эти дни в столице Румынии, трудно себе представить, какой удивительной жизнью живут сейчас бухарестцы. Буйное движение молодости мира вторглось в десятки тысяч простых человеческих жизней, втянуло в свой неудержимый поток едва ли не все население Бухареста.

Грандиозное и незабываемое зрелище — этот великолепный праздник юности человечества, представителей почти всех стран земного шара, объединяющих молодежь в ее борьбе за дружбу народов, за взаимопонимание, за прочный мир.

**

Сегодня в концертных залах, театрах, на открытых эстрадах парков и площадей Бухареста участники фестиваля начали показ своих талантов.

Молодые люди различных стран знакомятся друг с другом. Состоялись дружеские встречи делегаций Японии, Вьетнама и Патет-Лао, Швеции и Кореи, Англии и Венгрии.

Утром в зале «Атенеул» торжественно начались международные художественные конкурсы. В них примут участие художественные ансамбли 22 стран, оркестры семи стран, а также большое число солистов — певцов, музыкантов, танцоров.

В зале Центрального совета кооператива сегодня открылись выставки Всемирной федерации демократической молодежи и Международного союза студентов. Многочисленные фотографии, документы, диаграммы, художественные панно рассказывают о жизни молодежи и студентов различных стран, об их борьбе в защиту мира, национальной независимости и своих прав.

БУХАРЕСТ, 3 августа. (По телефону)

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

ПАРУСА В СТЕПИ

К полудню вместе с другими болельщиками пришел на набережную с внуком Вадиком и 75-летний Платон Евстратович Сорокин. Вадик поминутно спрашивал:

— Дед, скоро?

Платон Евстратович, поглядывая на разноцветные спортивные флаги, вывешенные на реях, отвечал:

— Скоро, скоро...

Соревнования открылись парадом участников. Легкие белобокие яхты под парусами одна за другой кильватерной колонной скользили мимо набережной.

Платон Евстратович взволнованно пощипывал бороду и неестественно покашливал.

Прожил свою жизнь Платон Евстратович в глухой безводной степи. В прошлом году впервые увидел он почти у своего дома волжский пароход, а сегодня стал болельщиком парусных состязаний.

Карповское водохранилище, где в минувшее воскресенье начались соревнования яхтсменов Поволжья,— одно из трех наиболее крупных на Волго-Донском судоходном канале имени В. И. Ленина. На многие километры разлились голубоватые воды Дона, переброшенные сюда в степь волей советского человека. Прекрасное место для яхтсменов!

Сейчас здесь проходит традиционная спартакиада Поволжья по водным видам спорта. Первенство оспаривают спортсмены десяти городов — Горького, Куйбышева, Ульяновска, Саратова, Астрахани и других, а также Татарской и Чувашской АССР.

Вот стремительно несутся, разрезая воду, быстроходные яхты класса «Р-3». Вперед вырвалась яхта с номером 34.

— Это Макулов, саратовец! — авторитетно заявляет кто-то из зрителей.

Внезапно раздается треск. Что такое? Оказывается, лопнул стеклоль — главный парус. А как близка была победа. Однако саратовец не сдается. Он встал, натянул парус руками. И яхта снова летит вперед...

Соревнования в Карповском водохранилище продолжаются. Парусный спорт пришел в степь.

В. РОСТОВЩИКОВ,
корреспондент «Литературной газеты»

ВОЛГО-ДОНСКОЙ судоходный канал имени В. И. Ленина

В КОПЕНГАГЕН НА СОРЕВНОВАНИЯ

Несколько дней назад из Москвы в столицу Дании — Копенгаген был отправлен необычайный груз: легкие, длинные и очень хрупкие лодки, так называемые «скифы». А вчера из Москвы в Данию выехали и «владельцы» этих лодок — сильнейшие гребцы Советского Союза. Они примут участие в состязаниях на первенство Европы по академической гребле.

Перед отъездом наших спортсменов корреспондент «Литературной газеты» обратился к заслуженному мастеру спорта П. Родионову с просьбой рассказать о предстоящих соревнованиях. Вот что он сообщил:

— Советские гребцы впервые будут оспаривать звание чемпионов Европы по академической гребле. Состязания проводятся с 14 по 16 августа в окрестностях Копенгагена на озере Багсвэрд. В программе соревнований заезды на всех типах академических судов: одиночках, двойках, четверках и восьмерках.

Помимо гребцов СССР, в Копенгагене ожидают спортсменов Англии, Бельгии, Венгрии, Дании, Италии, Польши, Франции, Чехословакии, Швеции, Швейцарии, Югославии и других стран.

В составе советской команды: победитель XV олимпийских игр по гребному спорту на одиночке «скиф» студент Ленинградского художественно-промышленного училища Ю. Тюкалов, московская восьмерка общества «Зенит» с загребным В. Крюковым, занявшая на олимпийских играх второе место, и другие. В состав нашей делегации входит также мастер по ремонту судов водной станции ВЦСПС в Москве Г. Рябцев.

Поговорим о тренере

В одном из своих недавних выступлений «Литературная газета» совершенно справедливо писала о том, что к ряду важнейших, но пока еще нерешенных проблем нашего спорта относится проблема квалификации тренеров.

За последние пять лет дважды пересматривалась всесоюзная спортивная классификация. Это, конечно, правильно. Но неправильно, что при этом забывали о тренерском составе, его расстановке, системе оценки его работы, оплате труда, повышении квалификации.

Спортсмен, с которым несколько лет настойчиво работал тренер, быстро или медленно, но все же достигает цели. Ему присваивается соответствующий разряд, в зависимости от его результатов он награждается знаком разрядника или мастера спорта. Но тот, кто растил, обучал его,— тренер — попрежнему остается вне классификации.

Должен ли оцениваться труд тренера, подготовившего нескольких мастеров спорта или группу спортсменов первого, второго разрядов? Мы считаем, что должен. В самом деле, почему спортсмены-разрядники и судьи имеют возможность переходить из низшей категории в другую, более высшую, а тренерам такого стимула не создано?

Почему бы не присваивать тренерам, выполняющим установленный для них план, вторую категорию, а затем и первую — за подготовку определенного количества спортсменов 1-го разряда, или республиканскую — за подготовку мастеров спорта и даже всесоюзную — за подготовку из числа своих воспитанников чемпионов и рекордсменов СССР.

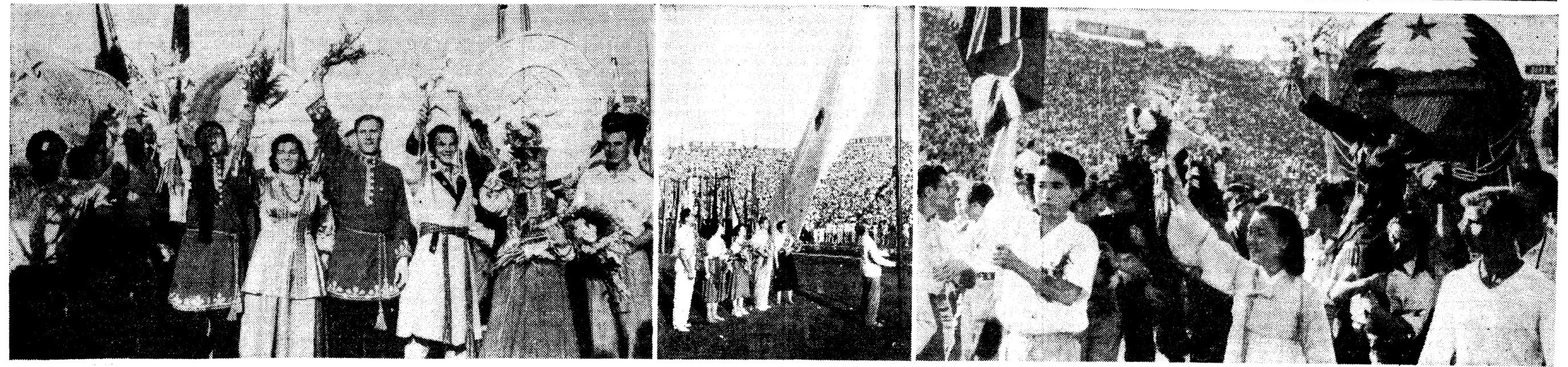
Известно, что среди тренеров есть лица, которые из года в год не выполняют установленного им задания по подготовке спортсменов высокого класса. Мне кажется, что в интересах дела это должно быть учтено в системе присвоения званий. В том случае, если тренер не выполняет плана, установленного для его категории, необходимо перевести его в низшую категорию. Думается, что такая система потребует от наших физкультурных организаций систематической работы с тренерским составом, периодической переаттестации тренеров один раз в два или в три года с целью повышения или, наоборот, понижения их категории.

В неразрывной связи с такой аттестацией должна быть разработана и система оплаты труда тренеров.

Назрела также необходимость в проведении аттестационных сборов, во время которых тренеры знакомились бы с лучшим опытом своих товарищей, с их передовой методикой подготовки спортсменов и т. д.

Жизнь требует неотложного решения всех этих проблем.

Н. ШЕРСТЮК,
директор Киевского государственного института физической культуры

2 августа в Бухаресте открылся IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов. На стадионе имени 23 августа состоялся парад посланцев молодежи, прибывших из 106 стран мира. НА СНИМКАХ: 1. Делегация молодежи Советского Союза на параде. 2. Подъем флага; слева — представители молодежи Китайской Народной Республики, Франции, Англии, Советского Союза и США. 3. Делегация Корейской Народно-Демократической Республики.

Фото В. САВОСТЬЯНОВА и В. ЕГОРОВА

НА БЕРЕГАХ МУРМЫЖКИ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Сергей АНТОНОВ

Недавно я начал писать рассказ, действие которого происходит при укрупнении колхозов. Объединение мелких артелей создало новые благоприятные условия для дальнейшего развития многоотраслевого колхозного производства, совершенствования агротехники, для лучшего использования механизмов и резко снизило сезонную затрату трудодней. Объединение мелких артелей привело к дальнейшему повышению активности, к росту культуры колхозников. Об этом я и хотел написать. Но рассказ шел плохо. Долго я не мог понять: в чем дело? Герои и сюжетная канва были, как говорится, «выношены» и просились на бумагу. Материал казался знакомым. Во время объединения мне приходилось бывать и в прославленных колхозах, куда корреспонденты приезжают так часто, что для них поставлена дежурная койка, и в таких, где наш брат журналист — редкий гость, и колхозные ребятишки на первых порах принимают его за какого-нибудь «уполномоченного».

Наконец мне показалось, что причина неудачи найдена. Очевидно, воображение уже не доверяет тому, что было видено и слышано два года назад. Очевидно, для уверенной работы не хватает свежести впечатлений. Надо бы еще поездить по деревням, понаблюдать людей, послушать их разговоры. Но теперь такая поездка вряд ли поможет. Укрупнение давно закончилось, и колхозники заняты новыми планами, решением новых задач...

Посетовав (как это бывало не раз) на то, что рассказ слишком долго оставался в уме, я, в конце концов, запрятал перечеркнутые листы бумаги в стол и отправился в деревню.

И вот оно — Селихово, деревня Калининской области, Кашинского района, которую я видел в последний раз лет двадцать пять тому назад. Улица разрослась, заметно обновилась. На крышах виднеются антенны. И колхозники, не успевшие послушать вечерние известия, спрашивают у соседей, какую погоду на завтра «показывает» радио. А двадцать пять лет назад набожный дедушка запрещал мне подходить к единственному в деревне детекторному приемнику, потому что в ящике бормочет нечистая сила...

Вдоль Селихова течет Мурмыжка — узенькая, мелкая речушка, впадающая в Медведицу. Мурмыжку можно перейти вброд, засучив брюки. Дно ее выстлано большими камнями, и у самого берега хорошо видно жирную рыбину. Рыба лениво пасется возле камней, и только человеческая тень, упавшая на воду, заставляет ее метнуться в сторону.

По берегам Мурмыжки ходят геодезисты. Скоро на Медведице будут строить межколхозную ГЭС, и Мурмыжка, подпертая плотиной, разольется, станет шире и глубже.

Левый берег речушки кое-где заболочен, — и за мной остаются глубокие, наполненные водой следы, словно маленькие колодцы. Зато правый берег, обрывистый, поросший лозняком, сух и красив. За обрывом поднимается сосновый бор. Там тихо и чисто, словно в пустом зале, и, когда подует ветер, далеко слышно, как падает на землю шишка.

От самой опушки леса начинается рожь; тугие, тяжелые волны ее несутся к дальнему кустарнику. Если пройти несколько шагов между кустами по зеленому, затянутому блестящей паутиной коридорчику, то можно увидеть небольшое красно-бело-зеленое поле: красные стебельки, белые цветочки и зеленые листики гречихи. А за гречихой снова кустарник и снова поле — нежнозеленый густой ковер льна, или сочные и сладкие шарики клевера, или высокая теплая трава, в которой стрекочут, будто на маленьких швейных машинках, тысячи кузнечиков...

* * *

В годовом отчете колхоза красоты родной природы выглядят сухо и деловито: рек и ручьев — 6,8 гектара, болот — 25,5 гектара, кустарников — 0,86 гектара, сенокоса — 229,35 гектара, лесов — 106,3 гектара, пашни — 590 гектаров.

В «куст», как называют объединенный колхоз местные крестьяне, кроме Селихова, входят еще три деревни: Поповка, Суслиха и Отрубнево.

— Несподручный у нас куст, — роняет председатель колхоза Алексей Александрович Соколов.

Председателю звонили из района, и он шагает в сельсовет, в Матино, к телефону. До Матина — километров пять-шесть, и времени для разговора у нас достаточно. Мне хочется узнать, что изменилось в колхозе со времени объединения, что нового в полеводстве, в животноводстве, в организации работ. Но Алексей Александрович — удивительно неразговорчивый человек. Он молча меряет проселок широкими шагами, покусывает былинку, и с худощавого лица его не сходит выражение официальной строгости. На нем — кожанка, офицерские бриджи, аккуратные сапоги. В руке — офицерская планшетка.

Я не теряю надежды «разговорить» председателя и рассуждаю о полеводстве. Конечно, укрупнить поля где-нибудь в степном краю и в другом месте гораздо проще, чем в беспокойной селиховской местности с ее рощицами, болотами, балками и кустарниками. Наверное, при новом землеустройстве надо было кое-где вырубать кустарник, корчевать пни, осушать болота. Как это делалось? Как составлялся план землеустройства? Как обсуждали колхозники проект реорганизации своего хозяйства?

Алексей Александрович говорит, покусывая былинку:

— Ничего этого у нас нет. Какие были до укрупнения поля, такие и остались.

Преимущества крупного, объединенного хозяйства перед мелкими колхозами в полной мере могут сказаться только после укрупнения колхозного производства. Только при укрупнении полей, концентрации животноводческих ферм, упорядочении кормового севооборота упрощается работа механизмов, уменьшается количество людей на полевых работах, и, в конечном счете, богаче становится трудодень... И странно было услышать от председателя колхоза, что в течение двух с лишним лет, прошедших со времени создания «куста», единственным актом производственного укрупнения явился перевод свиней из Селихова в Отрубнево.

Впрочем и до проведения землеустройства должны сказаться преимущества крупного хозяйства. Одно из них состоит в том, что за колхозом закрепляется постоянная тракторная бригада. Как после объединения складываются отношения колхоза и МТС? Как работают трактористы?

— Отношения с МТС лучше, а трактористы все одно ругаются, — говорит Алексей Александрович, не выпуская изо рта былинки.

Почему ругаются трактористы, я так и не мог добиться. И только поговорив с работниками МТС, я понял, какое неудобство для механизаторов представляет собой обработка двадцати восьми небольших полей этого объединенного колхоза. В каждой из четырех деревень — свое собственное семиполье. Поля с однородными видами работ находятся далеко друг от друга — возле каждой деревни. А перегонять механизмы с одного поля на другое теперь, после объединения, не так-то просто. Дело в том, что расход горючего на холостые пробеги считается законным только при переезде из колхоза в колхоз. Переезды же внутри колхоза, при нормальной организации работ, практически невелики, и горючее на них нормами не предусмотрено. Пока Селихово, Отрубнево, Суслиха и Поповка были отдельными колхозами, перегоны механизмов между этими деревнями фиксировались актами, и горючее расходовалось за счет МТС. Теперь такие перегоны (количество их почти не уменьшилось, потому что не изменились границы полей) стали внутриколхозными, и за горючее, истраченное на них, отвечает тракторист, как за пережог. По этой причине в тракторной бригаде, работавшей в Селихове, трактор «ДТ-54» в мае этого года пережег 95 кг дизельного топлива, а «НАТИ» — 287 кг керосина. Можно представить, как трудно стало Алексею Александровичу договариваться с бригадиром тракторной бригады о переброске «натика» из Селихова в Суслиху или из Отрубнева в Поповку.

Это — один из примеров того, как медлительность с реорганизацией хозяйства четырех объединившихся колхозов бьет по интересам не только колхозников, но и работников МТС, в том числе трактористов.

Я вслух недоумеваю: почему до сих пор в колхозе не займутся землеустройством? Ведь совсем не в том суть объединения, что правление перенесли в Отрубнево и четыре прежних колхоза стали называться бригадами. Я вспоминаю, как проходило укрупнение в других местах, вспоминаю деревню Катеринку, Николаевской области. Как быстро там пошли в гору доходы колхозников, с какой инициативой колхозные руководители составляли там планы развития своего хозяйства на три, а то и на пять лет вперед!

Алексей Александрович слушает все с тем же выражением официальной строгости, и лишь при упоминании о колхозных руководителях на скулах его начали поигрывать желваки. «Ну вот, думаю, сейчас рассердится и выскажется от души».

Но, выслушав до конца рассказ о катеринковском колхозе, Алексей Александрович выплюнул былинку и неожиданно проговорил:

— Сняли бы меня к шутам с председателей... Два раза просился — никакого толку.

И зашагал дальше, в Матино, разговаривать по телефону о выделении свидетелей по какому-то делу о какой-то растрате. Видно, некогда думать этому человеку о перспективах, видно, заела его текучка. Да и может ли он без помощи опытного специалиста-агронома и без помощи районного отдела сельского хозяйства правильно наметить изменения, которые двинут большой колхоз вперед. А агрономов в колхозе нет, и районные руководители приезжают редко. И работают колхозники четырех деревень, объединенных в один колхоз, по существу так же, как работали до объединения.

* * *

Отсутствие перспектив усовершенствования колхозного производства приводит к плохим результатам, в частности, — к недоверию колхозников к запланированную стоимость трудодня. Прошлой осенью получили на заработанные трудодни мало продуктов и денег, — по каким же причинам в нынешнем году может быть больше? Недоверие в силу трудодня прямой дорогой ведет к крохоборству, к нарушениям Устава сельскохозяйственной артели.

Однажды я услышал шум возле недостроенной риги на окраине Селихова. Там собрались Алексей Александрович, его заместитель, председатель ревизионной комиссии и несколько колхозников-плотников.

Спор шел о том, на сколько процентов сделана рига.

— Работы осталось от силы дня на четыре, — доказывал один из плотников, заросший щетиной мужчина, в комбинезоне и кирзовых сапогах. — Стену забрать, крышу настлать — и шабаш...

— Нет, брат, меньше, чем за неделю, не доделать, — качал головой заместитель председателя. — Как твое мнение, Алексей Александрович?

Алексей Александрович молчал.

— Тридцать процентов сделано, не больше, — подумав, сказал председатель ревизионной комиссии.

— Гляди-ка, какой ты булгахтер, — возмутился плотник. — Это сколько же я получу-то, если тридцать процентов? Я на этой вашей риге весь комбинзон истрепал. А за него двести рублей плачено.

— Двадцать пять процентов, — неожиданно сказал Алексей Александрович.

— Каких двадцать пять? Шестьдесят, не меньше.

— Тридцать пять!

— Шестьдесят пять!

— Ну, ладно. Сорок семь процентов запишем, и давайте кончать разговоры, — примирительно заметил председатель ревизионной комиссии.

— А три куда дел? — ехидно спросил плотник.

— Какие?

— Да те, которых до пятидесяти не хватает.

— Не сделано пятидесяти.

— А откуда ты вывел, что сорок семь сделано?..

И спор разгорелся с новой силой.

Определить правильный процент готовности риги, строящейся без проекта и сметы, было довольно трудно. А определять приходилось: плотники бросали работу, и с ними надо расплачиваться за сделанное. Попросить плотников кончить ригу Алексей Александрович не мог, потому что они были членами соседнего колхоза и правление отзывало их домой: началась пора сенокоса, и людей не хватало.

Неужели в колхозе, состоящем из четырех деревень, нет собственных мастеров, способных построить ригу? Конечно, есть. Судя по нарядным избам Селихова, эти мастера могут соорудить гораздо более сложные постройки, чем риги. Но Устав сельскохозяйственной артели предусматривает, что правление может начислять членам своего колхоза за произведенные ими работы только трудодни. А плотники на начисление трудодней не согласны и хотят получить за свою работу твердо обусловленную сумму денег.

Правление же, вместо того чтобы подумать, как укрепить авторитет трудодня, вступает на скользкий путь фактического нарушения устава: оно заключает договор на строительство с плотниками соседнего колхоза — тратит две с половиной тысячи рублей на постройку риги, а своих мастеров...отпускает в соседний колхоз, где они сговариваются за такие же деньги ставить такие же риги.

Правда, сознательность колхозников с каждым годом растет, они все внимательнее следят за порядками в своем общем хозяйстве и стараются не допускать подобных фокусов. В колхозе, о котором идет речь, недавно произошел любопытный случай: узнав, что в горячее время полевых работ два плотника отпущены на сторону, колхозники на общем собрании решили оштрафовать членов правления на пять трудодней каждого и настояли на том, чтобы это было записано в протокол.

* * *

Об одной из должностей Алексея Андреевича — бойкого, усатого старичка, я догадался сразу, как только увидел его. Он шел по улице, держа в руках несколько ключей необыкновенной длины — сантиметров по двадцати пяти каждый. Такими удивительными ключами во время оно открывались, наверное, врата Царьграда. Алексей Андреевич — кладовщик селиховской бригады. Мы знакомимся, и, как вскоре оказывается, во второй раз, потому что он знал меня, когда я был еще мальчишкой, и даже драл за уши. Кроме основной своей должности, Алексей Андреевич исполняет еще две. Он пчеловод и садовод. Видимо потому, что в детстве мне попадало от него, он теперь разговаривает с чрезмерной вежливостью и предупредительностью и с готовностью отправляется показывать пасеку.

— Только не отмахивайтесь, а то пчелка причинит вам неприятность, — предупреждает он у ворот.

Между деревьями стоят семнадцать некрашеных, рассохшихся ульев. Три улья пусты — зимой пчелы захворали поносом и передохли.

— Разве это ульи, — сокрушается Алексей Андреевич. — Сколько раз просил и бригадира и председателя: нужны краски и толь хотя бы крыши покрыть, — ничего не дают. «Твои пчелы, — говорят, — сами себя не оправдывают. Один убыток». Да разве можно ссылаться на то, что от них убыток. Надо им сперва организовать нормальное жительство, а тогда ждать от них выработки. Я говорил председателю: мол, не экономия это у тебя, а крохоборство.

— А он что?

— Молчит... А то вот, гляди, — Алексей Андреевич разволновался и стал называть меня на «ты», — в районе посоветовали дрессировать пчелок, чтобы садились на клевер. Тут тебе и мед, тут и семян клевера больше соберешь. Я съездил туда, узнал технику: надо сто грамм меда настаивать на клевере и давать каждый день пчелкам, чтобы они привыкали. Так вот, гляди: как узнали про это дело в правлении, ахнули и отказали выдавать мед. Опять вроде как экономят, а на самом деле крохоборство...

И на самом деле — крохоборство, приводящее в конце концов к еще большим расходам. Позже я узнал, что колхозу в прошлом году пришлось покупать пять центнеров семян клевера и платить за это большие деньги.

После осмотра пасеки мы с Алексеем Андреевичем пошли в колхозный сад. Ряды маленьких яблонь тянулись к берегу Мурмыжки. Заметив в ветвях новое яблочко, Алексей Андреевич смеялся радостным, детским смехом. Но и в саду чувствовались крохоборческие установки колхозных руководителей. Стволы были обмазаны вместо извести глиной, почва вокруг яблонь давно не окапывалась, а препаратов против «вредительства» (так Алексей Андреевич называет вредителей сельского хозяйства) до сих пор не дают.

И я нисколько не удивился, увидев, что в годовом отчете колхоза в графе «Доходы от садов, ягодников, виноградных и других насаждений за 1952 год и их распределение» красуется большая буква «зет».

Откуда идет это крохоборство? Видно, от желания правления путем жесткой экономии добиться высокой оплаты трудодня. Но экономия и крохоборство — разные вещи. Единственно верным путем, обеспечивающим богатство колхоза, является непрерывный подъем всех отраслей сельскохозяйственного производства.

* * *

На следующий день после приезда в Селихово, когда я вечером, сидя на крыльце, отдыхал от длинного путешествия, ко мне подошел человек в майке и густо запыленных сапогах и обратился с просьбой — убить лису. Это был бригадир селиховской бригады — Василий Иванович Карцев.

— Лиса, — рассказывал Василий Иванович, — повадилась в деревню таскать кур. Путь, которым она ходит, известен: куриные перья всегда замечают в одном и том же месте — у берега Мурмыжки и дальше, на том берегу, среди сосен бора. Лиса совсем обнаглела, и ее видели в задах деревни средь бела дня. Если посидеть в бору, в укромном месте, лису можно подстеречь почти наверняка. Василий Иванович обещал свою двустволку и вызвался показать «счастливое» место.

— Что же вы сами ее не убьете? — спросил я, удивляясь великодушию, с которым охотник уступал мне почти верного зверя.

— А время где взять? Сено-то сухое, а, слышь, гром гремит, — он поворошил ногой недавно скошенное, высохшее под солнцем сено, — бригаду надо поднимать на уборку.

Наблюдая несколько дней за работой Василия Ивановича, я понял, что ему действительно не хватает времени. Ввиду того, что Селихово является, по сути дела, тем же самым колхозом, который существовал до объединения, к обязанностям единственного бригадира в деревне добавляются еще и обязанности председателя колхоза. Он распределяет людей на работу, составляет наряды, ежедневно замеряет и учитывает сделанное каждым колхозником, заботится об инвентаре, отвечает за выдачу материальных ценностей, хлопочет об удобрениях, договаривается с бригадиром тракторной бригады, занимается множеством мелких и крупных дел, а вечерами сидит за столом, возле стакана остывшего чая, и переписывает замеры в трудовые книжки.

И, кроме всех этих дел, он должен найти время для главного дела бригадира: для наблюдения за правильной агротехникой полевых работ.

При нормальной организации дела, когда председатель постоянно руководит бригадами, а учет осуществляется канцелярией, одного бригадира на деревню может быть достаточно. Но когда председателю приходится заниматься четырьмя, по существу, отдельными, обособленными хозяйствами, это оказывается ему не под силу, и все бремя организации работ сверху донизу неизбежно ложится на бригадира.

С обособленностью четырех хозяйств объединенного колхоза встречаешься на каждом шагу. Несколько дней просил Василий Иванович подвезти удобрение для льна, посеянного на селиховских полях. Так, ничего не дождавшись, и пошел в Отрубнево, в правление. Оказывается, удобрение привезли два дня назад, но сгрузили по ошибке в Суслихе. И никто об этом ничего не знает.

* * *

По пути в Поповку, у опушки леса, разведен костер. У костра читал газету шестнадцатилетний пастух Толя. В тени берез лежали коровы, отдельно от них — овцы, ближе к опушке — козы. Это — селиховское стадо. Лесник не разрешает пасти коз возле леса, потому что они объедают орешник, но, ничего не поделаешь, пастух один.

К своей нынешней должности Толя относится скептически. Он рассказывает о своей жизни с едва заметной иронической усмешкой, словно о другом человеке. Он — из соседнего колхоза, нанялся в Селихово на сезон.

Я спросил, почему коровы дают мало молока. По данным колхозного учета, средний годовой удой смехотворно мал: 640 литров на корову.

— Этим коровам надо вперед о спасении души думать, а не о молоке, — ответил Толя. — Всю зиму, считай, их соломой кормили. Прошлый год заложили силос, да неправильно как-то заложили. Не стали есть ихний силос коровы... Сейчас начала немного поправляться скотинка, да и то слаба. Потому что пасем неправильно. Разве можно пасти овец вместе с коровами? Овцы — они всю траву состригают, ровно под машинку, а после них короткую траву коровам не подхватить. Надо бы их пасти отдельно, как положено, по зеленому конвейеру, а ихнее правление второго пастуха не дает — экономит. Неправильно они делают.

Слово «неправильно» за время пребывания в Селихове мне приходилось слышать чаще многих других слов. Неправильно ведется ротация, неправильно используются механизмы, неправильно закладывается силос, неправильно пасется стадо.

Наша самая передовая в мире сельскохозяйственная наука давно ответила на вопросы о том, как все это надо делать правильно. Но создается впечатление, что многие советы этой науки так и не дошли до Селихова. Никакой пропаганды научно-технических, сельскохозяйственных знаний, необходимых колхозникам для их повседневной работы, никто здесь не ведет. Участковые агрономы МТС заняты текущими работами, а своего агронома в колхозе нет. Не этим ли в первую очередь объясняется застой с реорганизацией объединенного колхоза? Не следует ли, наконец, районным и областным организациям развернуть массовое непрерывное обучение колхозников приемам передового ведения хозяйства, разъясняя насущно необходимые вещи, и не отделываться эпизодическими и, зачастую, схоластическими лекциями.

И еще один очень важный участок работы забыт в Селихове: культурно-политическая работа. В тот день, когда я разговаривал с Толей, он читал в газете заметку о Куйбышевской ГЭС. Он интересуется электрификацией и в курсе работ на строительстве грандиозного сооружения. А о том, что на Медведице вскоре развернется строительство местной гидроэлектростанции, он не знает ничего, кроме того, что по берегам ходят какие-то техники с трубками.

Объединенный колхоз имеет партийную организацию. Она должна была развернуть культурно-воспитательную работу в своем колхозе, она в первую очередь должна раскрыть перед колхозниками перспективы ближайшего будущего.

* * *

С горьким чувством я уезжал из Селихова.

Мое огорчение, разумеется, объяснялось совсем не тем, что колхоз не дал необходимого для рассказа материала. Это — беда поправимая. Можно заехать в колхоз-миллионер «Красный путиловец» того же Кашинского района, там дела идут хорошо и объединение принесло богатые плоды.

Меня огорчило то, что два года назад я увидел только конец трудностей мелкого колхоза, но не увидел начала новых трудностей, связанных с укрупнением хозяйства, связанных с качественным изменением его деятельности.

Так же, как некоторые районные горе-руководители, я представлял себе объединение колхоза, как некую кратковременную кампанию, и не догадывался, что при проведении этого нового, нужного, сложного дела неизбежны ошибки и неудачи и до завершения укрупнения должно пройти длительное время, наполненное борьбой за новое.

А рассказ можно написать и на материале Селихова, потому что показ трудностей и недостатков отставшего колхоза не менее полезен, чем описание уже преодолевшего эти трудности «Красного путиловца».

Калининская область,
Кашинский район.

Вдоль неширокой речушки Короча, на пологих холмах, раскинулся сад колхоза имени Сталина, Шебекинского района, Курской области. Сад занимает площадь более четырехсот гектаров. Садоводство — доходная отрасль артельного хозяйства. В прошлом году сад принес около 700 тысяч рублей дохода. Сейчас колхозники уже приступили к сбору ранних сортов яблок.

НА СНИМКЕ: комсомолки Зина Наумова и Таня Курская за сбором яблок.

Фото В. ПОСПЕЛОВА

Новые стихи

Вл. КОРНИЛОВ — Перед отъездом

Через три-четыре дня
Будет выпуск наш.
Вот и вызовут меня
Во второй этаж.

К генералу там ведет
Длинный коридор,
А у генерала ждет
Краткий разговор.

И не спросит генерал
Ничего о вас.
Я в анкетах не писал
Ничего о вас.

Не писал, как вы нежны,
Как вы мне нужны.
Написал, что нет жены,
Значит, нет жены.

Но, коль все-таки о вас
Спросит наш старик,
Я скажу, что вы сейчас
Учите язык.

Много иностранных слов
Знаете уже,
Много разных городов
Вам не по душе.

Я скажу, что рады вы
Выйти за меня,
Но без города Москвы
Не прожить вам дня.

Для слиянья наших душ
Не пригодна глушь.
Коль в Москву пошлют — то муж!
А в Читу — не муж.

Покачает головой
Старый генерал.
Тридцать? Больше? — лет с женой
Вместе кочевал.

. . . .

Но к чему весь этот вздор
Тут затеял я?
Не на этот разговор
Вызовут меня.

Я пройду, куда велят,
Вдоль по этажу.
Что такой-то лейтенант
Прибыл — доложу.

И не спросит генерал
Ничего о вас.
Назначенье подписал,
Мне его отдаст.

Не заспорю горячо
И не улыбнусь.
Через левое плечо
Только повернусь.

И уеду в дальний полк,
Взводный командир.
Много разных мест, но долг...
Долг везде один!

РОСТОВ-на-ДОНУ

Павел КУСТОВ — Школьный сторож

Все осмотрел, закрыл ты плотно дверь,
В нее уже не постучатся скоро.
Гуляй до самой осени теперь,
Солдат на деревяшке, школьный сторож!

Какая наступила тишина —
Стук верной клюшки гулко отдается.
Гремит посудой сонная жена,
И мышь под половицею скребется.

А ходики все так же на стене
Отсчитывают мерно час за часом.
Оглохнуть можно в этой тишине,
Тебя, как ватой, обложившей разом.

И вспомнится, что ты ведь инвалид,
И вперемежку с кашлем и одышкой
То поясница ночью заболит,
То вдруг заноет старая култышка.

Со скуки перепилишь все дрова,
Сто раз пройдешься по просторам комнат,
Пока лужаек блеклая трава
О сентябре прохладном не напомнит...

Он чуть не всех расцеловать готов, —
Так станет на душе легко у дедки,
Когда ворвутся триста голосов
В сосновый сумрак сельской семилетки!

ЧЕРЕПОВЕЦ

Юрий ГОЙДА — Соловей

Нивам светит зорька
с гор карпатских синих.
Мать сорвала колос
маленькому сыну.

На комбайне парень
вышел с песней в поле.
Соловей не щелкнет.
Слушает он, что ли?
Верно, собирает
он людские чувства,
Чтобы в новой песне
показать искусство.

УЖГОРОД

Перевел с украинского Ю. ГОРДИЕНКО

Вл. АЛАТЫРЦЕВ — Концерт в колхозе

Консерваторий не кончала,
В Большом театре не была.
Но в зале песня зазвучала
И сразу за сердце взяла.

И вот, словам ее внимая,
Увидел каждый пред собой,
Как мчится тройка почтовая
Вдоль по дороге столбовой.

Откуда у девчонки сила,
И чувств, и голоса накал,
Что вдруг одна заворожила
Притихший многолюдный зал?

Знать, наградила мать-природа
Рукою щедрою своей
И песенный талант народа
Передала по праву ей.

РИГА

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ — О цветах

— Ты знаешь, как пахнет багульник?..
И мне отвечают: — Чудак!
Багульник, багульник лиловый —
да он и не пахнет никак!

— А эти цветы, на которых
заката июльского след?
И мне отвечают сердито:
— Да нет у них запаха, нет!

И мне разъясняют сурово
с научной своей высоты:
— Не пахнут, коллега, не пахнут
сибирские наши цветы!..

Ах, друг мой, ученый и мудрый!
Я знаю: тебя расспросив,
услышу, что тихая роща —
обычный древесный массив.

Но ты наклонись на досуге
над этим горячим цветком!
Он пахнет ромашковым детством,
деревней, парным молоком.

С упорством меня обличая,
доказывать будешь всерьез,
что ветер не может влюбиться
в предутренний лепет берез.

Взгляни, забывая цитаты,
на щедрую эту красу!
Она отражается в стеклах
очков у тебя на носу.

То щелкая,
то замирая,
искрясь,
загораясь,
горя —
в два счета она опровергнет
такого, как ты, сухаря...

ИРКУТСК

Ник. ГУДОВСКИЙ — Любовь к именам

БАСНЯ

Над песней потрудясь немало дней,
В редакцию явился Соловей.
Редактор-Ворон песню взял
И, прочитав ее, сказал:
«Уверен: вы из Курска прилетели.
Ведь только в Курске петь умеют соловьи,
А северные, так сказать свои, —
Пищат: ни посвиста, ни трели...
Да, вы из Курска. Песня хороша,
В ней чувствуется певчая душа».
От похвалы столь лестной
Воспрянул духом Соловей
И в простоте своей
Сказал: «А я ведь местный!»
Что сталось с Вороном? Переменился Ворон:
Нахохлился, сверкнул сердитым взором
И каркнул: «Вы не кууррский? Ну, тогда
Напрасно и летели вы сюда.
Я публикую песенки, нет слов,
Но... именитых курских соловьев.
На местных же смотрю я проще:
Пускай себе поют в зеленой роще».

Не только в баснях есть редакторы такие.
Посмотришь кое-где газеты областные:
Поэтов широко известных
Нет-нет печатают и... зажимают местных.

КИРОВСК, Мурманской области

У ПИСАТЕЛЕЙ НОВОСИБИРСКА

Ан. ДРЕМОВ

Немыслимо составить полное и правильное представление о литературном процессе в Советском Союзе, если «отвлечься» от книг, написанных на периферии. Ведь тогда пришлось бы «отвлечься» от романов С. Бабаевского, от «Стали и шлака» В. Попова и «Далеко от Москвы» В. Ажаева, от «Жатвы» Г. Николаевой и «Строговых» Г. Маркова. Пришлось бы «отвлечься» и от других произведений, явившихся значительным вкладом в русскую советскую литературу.

В Сибири начинали свой творческий путь Всеволод Иванов, Анна Караваева, Лидия Сейфуллина и ряд других известных писателей. За 30 лет существования журнала «Сибирские огни» в нем были опубликованы десятки романов, повестей и пьес, сотни рассказов, очерков и стихотворений.

Уже в послевоенное время в «Сибирских огнях» появился ряд значительных произведений, удостоенных Сталинских премий. Большая заслуга «Сибирских огней» в том, что журнал познакомил советского читателя с творчеством почти всех народов, населяющих Сибирь: якутов, тувинцев, хакасов, горно-алтайцев, шорцев, эвенков и других.

Именно потому, что Новосибирск в течение многих лет является крупным литературным центром, особенно интересны и поучительны удачи и недостатки в работе новосибирской писательской организации.

1. В начале лета мне довелось побывать на заседании редколлегии журнала «Сибирские огни». Из восьми членов редколлегии явилось только трое. Присутствовало несколько писателей, не состоящих в редколлегии. Решалась судьба нового произведения начинающего писателя В. Мастеренко «Три года».

Первым выступил член редколлегии А. Высоцкий. Он отметил некоторые достоинства повести и выросшее мастерство автора, но убедительно указал и на крупные идейные недостатки этой повести о журналистах. Облик главного героя книги Виктора Тихонова духовно скуден. Показав, как молодой журналист овладевает профессиональными навыками, автор обошел молчанием его политический, идейный рост в боевом журналистском коллективе. Да и коллектива этого читатель не видит, как не видит и конкретных примет нашего времени.

Можно было ожидать, что по этим коренным вопросам прежде всего и выскажутся участники обсуждения. Однако большинство выступавших, говоря о частных, мало существенных недостатках, утверждало, что повесть, в сущности, готова к печати, нужно лишь ее отредактировать.

Сам автор высказал ряд наивных суждений. На вопрос, почему его герой—юноша, которого он старается изобразить передовым человеком,— не комсомолец, В. Мастеренко ответил:

— Если показать его комсомольцем, значит, надо показать и комсомольскую организацию, т. е. вывести еще по крайней мере двух персонажей. Эта техническая причина и остановила меня.

Обсуждение показало: молодой, не лишенный способностей автор взялся за сложную тему, но не справился с ней. А большинство товарищей снисходительно отнеслись к его повести, хотя надо было направить молодого писателя на путь серьезной творческой работы. Поощренный снисходительным отношением, В. Мастеренко наскоро вписал в текст повести несколько вставок, а редакция журнала «Сибирские огни» поспешила опубликовать это произведение.

Случай для Новосибирска типичный. А между тем, вопрос о работе с молодыми авторами в нынешних условиях приобрел особо важное значение. Если два-три года назад в Новосибирске говорили лишь о нескольких начинающих писателях, то в прошлом году конкурс на лучший рассказ и очерк привлек сотни участников. В областных семинарах начинающих писателей участвовало более пятидесяти человек. При журнале работает литературное объединение. Около двадцати молодых авторов уже печатались в «Сибирских огнях» и местных газетах. Новосибирские театры готовят к постановке пьесы местного начинающего драматурга В. Лаврентьева. Всего с «Сибирскими огнями» связано более двухсот начинающих авторов из разных краев и областей Сибири.

Все это требует улучшения воспитательной и организационной работы в писательской организации.

2. Весьма неблагополучно обстоит дело с теоретической учебой литераторов. Если в прошлом году регулярно и организованно работали семинар по диалектическому и историческому материализму и кружок по изучению истории партии, то нынче всех писателей объединили в одну группу, что не могло не привести к снижению уровня занятий. Как работают писатели, занимающиеся индивидуально, никому не известно.

Дискуссии и обсуждения по вопросам теории литературы проходят формально. Решили, например, провести творческую дискуссию по проблеме конфликта, но плохо к ней подготовились. Докладчик Н. Яновский не заинтересовал присутствующих: многие ушли еще до конца его доклада. Дискуссию пришлось отложить.

На литературных «средах», посвященных обсуждению новых произведений, нередко высказываются стандартные, общеизвестные истины. Многие начинают свои выступления стереотипной фразой: «Я обсуждаемого произведения не читал, но у меня создалось впечатление... и я хочу сказать...»

При хорошей организации и подготовке литературные «среды» могли бы способствовать творческому росту писателей. Но «среды» готовятся плохо, и многие писатели их не посещают.

Писатели Новосибирска разобщены, не знают, кто над чем работает, хотя ежедневно встречаются. Писательская организация не проявляет интереса к роману «Сад», над которым уже ряд лет работает А. Коптелов. Ничего конкретного не знают в отделении ССП о работе Г. Пушкарева над научно-фантастической повестью для юношества «Море, которого еще нет». А между тем опыт Г. Пушкарева интересен. По материалу задуманной книги писатель проводил беседы со своими будущими читателями-школьниками. Таких встреч проведено около пятидесяти. Повесть была задумана по типу романа «Машина времени» Г. Уэллса — с невероятной фантастикой, с машиной, через которую можно видеть будущее, и т. д. Но первая же беседа показала, что так «не пойдет». Юный читатель хочет видеть нечто более реальное. Писателю пришлось искать новые формы. Пытливые вопросы ремесленников заставили его уделить больше внимания научно-техническим проблемам — о заменителях угля, металла, волокна и т. д.

Г. Пушкарев, один из старейших писателей Сибири, депутат районного Совета, ведет большую работу по пропаганде детской книги, руководит секцией детской литературы отделения ССП, единственной, кстати говоря, работающей секцией.

Но многие писатели редко встречаются с читателями, неохотно участвуют в общественной жизни. Лишь А. Коптелов, Ю. Сальников, Н. Яновский выступают с лекциями на предприятиях и в учебных заведениях. Было решено установить тесную связь со строителями. Но и это решение осталось на бумаге.

3. Мало утешительного можно сказать и об индивидуальной работе с молодыми писателями. Правда, А. Коптелов серьезно помогает П. Воронину в его работе над романом. Но никто по-настоящему не помог в работе над первыми произведениями Е. Коропатовой, В. Лаврентьеву и многим другим авторам.

Казалось бы, для опытного писателя участие в работе литконсультации журнала «Сибирские огни», рецензирование присланных рукописей, беседы с молодыми авторами должны быть делом чести. Но некоторые писатели старшего поколения считают это лишней обузой.

Литературной консультацией в «Сибирских огнях» занимается один А. Никульков — еще неопытный литератор. Залежи рукописей в журнале растут; иногда ответы задерживаются месяцами.

В конце прошлого года областное издательство выпустило недоработанную, слабую повесть «Достойные счастья» А. Никулькова. Сам автор признает, что произведение неудачное. Но вот совсем недавно на «среде» обсуждался новый рассказ А. Никулькова «В командировке». Читаешь этот рассказ и не поймешь, что это такое: или беллетризованная пропаганда неправильных методов работы инструктора обкома комсомола, или поверхностная зарисовка его любовных переживаний. Почти все высказались против опубликования этого рассказа. Тем не менее он появился на страницах «Сибирских огней».

Недавно в Новосибирском издательстве вышел идейно-неполноценный роман Н. Карнеевой «Школа». Рукопись этого романа забраковали в редакции «Сибирских огней»; против него выступили и некоторые работники издательства. И все же роман увидел свет.

В числе рецензентов этой книги были и секретарь отделения Союза писателей А. Смердов и секретарь партоорганизации А. Коптелов. Написав отрицательные рецензии, они посчитали, что их миссия выполнена. Теперь они укоризненно кивают на директора и редакторов издательства.

Такая спешка с опубликованием недоработанных, а подчас явно идейно-неполноценных произведений способна вызвать у начинающих писателей представление о художественном творчестве, как о легком занятии, приводит их к слишком ранней профессионализации, а потом и к горьким разочарованиям.

4. Секретарь правления Новосибирского отделения ССП поэт А. Смердов сознает, что правление проходит мимо главного. Вот наугад взятые вопросы из повестки дня трех заседаний: письмо филармонии о создании эстрадного репертуара, об отпусках, о ссудах... Правление даже как-то обсудило и вынесло специальное решение по такому «принципиальному» вопросу, как разрешение товарищу Х (фамилия в протоколе не указана) пользоваться библиотекой отделения ССП «при соблюдении всех формальностей».

Подолгу обсуждаются вопросы организационные, хозяйственные, административные, финансовые, а основными вопросами, вопросами творческими, правление почти не занимается.

Правлению мало помогает в работе редколлегия журнала «Сибирские огни». До последнего времени нарушались принципы коллегиальности, в редакции невнимательно относились к созданию авторского актива, не воспитывали работников редакционного аппарата. Большинство членов редколлегии бездействует. Журнал часто выходит с опозданием; за последнее время ухудшилось качество очерков; многие квалифицированные писатели уже несколько лет не выступают на страницах журнала.

Почему выходят в свет идейно-неполноценные книги? Почему писатели прервали старую хорошую традицию—перевод произведений национальных писателей народов Сибири? Почему за последние годы новосибирские писатели не создали ни одного крупного художественного произведения? Подобные факты правление обязано замечать, вмешиваться в них; оно должно направлять творческую работу писателей, активно воздействовать на их идейно-художественный рост.

Партоорганизация писателей не принимала достаточных мер для развертывания критики и самокритики, для устранения недостатков. Не раз говорилось о том, что правление не является организующим центром творческой работы писателей, что в его деятельности нет коллегиальности, что члены правления Н. Алексеев и А. Кузнецов бездействуют, а текущую работу ведет один А. Смердов. Подвергалась критике и работа редакции журнала «Сибирские огни». Однако вместо делового обсуждения критических замечаний работники редакции предпочитали в кулуарах высказывать свое несогласие с критикой. Редакция и правление никак не могут определить, кто из них должен проявить инициативу в налаживании систематического обсуждения вышедших номеров журнала.

5. В плане областного издательства работники Росполиграфиздата вычеркнули все сборники стихов на том основании, что «план перегружен стихами и рассказами». Кем установлены «контрольные цифры» «недогруза», «загруза» и «перегруза» издательских планов стихами и рассказами? Неизвестно. Но именно так мотивировали исключение из издательского плана всех пяти сборников стихов.

Мало внимания уделяется творчеству новосибирских писателей центральной печатью. Часто на произведение, опубликованное в «Сибирских огнях», только тогда появляются рецензии, когда оно выходит в том или ином московском издательстве.

Иногда руководителей новосибирской писательской организации вызывают в Москву с отчетами, но на этом дело и кончается. Отчет редактора журнала «Сибирские огни» слушался в мае прошлого года. Было решено оказать помощь журналу. В постановлении, например, говорилось (в который раз!), что секретариат ССП рекомендует редколлегиям толстых центральных журналов регулярно печатать обзоры «Сибирских огней» и рецензии на отдельные публикуемые в журнале произведения. Это постановление не выполнено.

Мало помогает Новосибирскому отделению комиссия по русской литературе в краях и областях ССП СССР. Существования же других всесоюзных комиссий — по драматургии, по детской литературе, по военно-художественной литературе, по теории литературы и критике — областное отделение никак не чувствует, а местные драматурги, детские писатели, литературоведы и критики даже и не подозревают, что для руководства ими созданы такие комиссии.

Вопрос о руководстве и помощи писателям областей и краев давно уже приобрел большую важность. Комиссии, существующие при секретариате ССП и призванные направлять работу огромной армии писателей, не справляются со своими задачами. Если говорить о коренном улучшении руководства деятельностью писателей в краях и областях (а говорить об этом необходимо), то не стоит ли подумать и о структуре органов, этим делом непосредственно ведающих, и о новых, более действенных формах руководства?

Союз советских писателей СССР не может не учитывать все возрастающей роли литературы в коммунистическом воспитании трудящихся. Жизнь требует, чтобы день ото дня повышался уровень руководства литературным процессом во всей нашей стране.

НОВОСИБИРСК.

КНИГА О ЛЕСЕ УКРАИНКЕ

С. ШАХОВСКИЙ

С творчеством Леси Украинки русский читатель широко познакомился по нескольким однотомникам и трехтомному изданию, вышедшему три года назад в Гослитиздате. Как бы в дополнение к этим книгам издательство выпустило сейчас критико-биографический очерк А. Дейча «Леся Украинка». Это чуть ли не первая книга на русском языке, посвященная выдающейся украинской писательнице, одна из немногих литературоведческих работ, знакомящих русского и всесоюзного читателя с богатейшей украинской классической литературой.

Творчество Леси Украинки многообразно и по тематике, и по жанрам, и по художественным приемам; но во всех ее стихах и поэмах, драмах и рассказах, в ее критических и публицистических статьях читатель всегда встречается с необычайной страстностью и силой выражения идей писательницы, с подлинным, не сгибаемым мужеством революционера. В «Песнях про волю» (1905 г.) поэтесса писала:

Новую песню слагайте, друзья,
Так, чтоб она засияла лучами,
Так, чтобы ясное красное знамя,
Следом за нею взлетев в небеса,
Реяло гордо...

Призыв к революционной борьбе звучит и в ее статьях, принимая еще более отчетливую направленность. Разъясняя, «как рабочим защищаться от врагов и каким способом им лучше объединиться», Леся Украинка называет имена Маркса и Энгельса.

Дух борьбы и веры в победу народа пронизывает все творчество писательницы. Жизнь ее — настоящий подвиг. Леся Украинка была больна с детских лет, всю жизнь ей приходилось бороться с тяжелым недугом — туберкулезом легких, почек, костным туберкулезом рук и ног. С огромным мужеством и упорством она творила в течение всей недолгой своей жизни, и дела ее никогда не расходились со словами. В 1912 году — за год до смерти — она сообщала в письме:

«Толпа образов не дает мне спать по ночам, мучит, как новая болезнь, тогда уж приходит демон, более могущественный, чем все болезни, и велит мне писать, а потом я снова лежу... как пустая котомка. Вот так я писала «Лесную песнь» и все, что писала в последние годы».

Книга А. Дейча дает систематическое изложение жизненных фактов и обстоятельств, формировавших мировоззрение писательницы, ее интересы. Автор использовал новые, ставшие известными только в последнее время биографические материалы о Лесе Украинке, о ее участии в революционном движении. В хорошем соотношении даны общий исторический фон и биографические факты.

Украинские буржуазные националисты распространяли лживую версию о том, что великая писательница была навсегда прикована к больничной койке и поэтому якобы чуждалась каких бы то ни было общественных интересов. В книге А. Дейча убедительно показано, как Леся Украинка устанавливала контакт с революционным движением, с подпольными кружками и изданиями, в меру своих действительно крайне ограниченных болезнью сил выступала как пропагандист-издатель социалистической литературы. Достаточно указать на то, что Леся Украинка впервые перевела на украинский язык «Манифест Коммунистической партии».

И все же автор критико-биографического очерка мог бы больше подчеркнуть личное мужество, готовность к подвигу, свойственные Лесе Украинке, да и вся глава, посвященная биографии писательницы, могла быть полнее и увлекательнее.

Следовало бы также подробнее рассказать о неустанной борьбе Леси Украинки с украинскими буржуазными националистами, особенно в литературе и критике, о ее выступлениях против клерикализма и поповщины, о том, как она высоко ценила и пропагандировала русскую культуру, как доказывала жизненную необходимость совместной революционной борьбы русских и украинских трудящихся против самодержавия.

Леся Украинка жила во многих городах и селах горячо любимой ею Украины, прекрасно знала своих соотечественников не только в Надднепровье, но и в Галиции и в Буковине. Отсюда такое знание языка и быта, такой разнообразный пейзажный рисунок Украины в ее лирике. Она подолгу бывала в Петербурге и в Минске, в Грузии и в Прибалтике и свои богатые жизненные наблюдения широко использовала в прозе и драмах. Пребывание в странах Западной Европы убедило Лесю Украинку в том, что смелая передовая русская общественная мысль и русская литература далеко опередили буржуазный Запад; об этом она убедительно пишет в статье «Новые перспективы и старые тени», опубликованной в журнале «Жизнь», выходившем при участии В. И. Ленина и А. М. Горького. Приходится пожалеть, что А. Дейч слишком скупо рассказал об этом необычайно широком круге впечатлений Леси Украинки, о ее неизменной писательской профессиональной жадности к новым людям, событиям и странам.

Три главы книги А. Дейча посвящены анализу лирики, драматургии, прозы Леси Украинки. Жанровый обзор творчества писательницы вполне закономерен, ибо в каждом жанре она вполне оригинальна.

Автор книги уловил качественное своеобразие литературных жанров писательницы, изложил историю каждого из них, проанализировал наиболее значительные драмы, стихотворения, рассказы и нарисовал жизненный путь Леси Украинки в идейно-творческом развитии: от неясных детских мечтаний о воле, от юношеских либерально-народнических иллюзий до сознательных призывов к революционной борьбе и участия в этой борьбе, от первых наивных и несовершенных стихотворных опытов до пламенных публицистических статей и драматургических произведений, отмеченных печатью зрелого и самобытного таланта. Убедительно показаны в книге жизненные источники конкретных произведений, связь тематики писательницы с социальными событиями ее времени.

Слабее проанализирована специфика драматургии Леси Украинки, то, что фабульный материал писательница всегда брала из подлинной истории разных времен и народов. Умение полностью сохранить историческую достоверность и колорит эпохи и на этом материале разрешать актуальные проблемы своего времени — характерная особенность Леси Украинки.

Заключительная глава посвящена характеристике стиля писательницы в целом. Здесь немало верных и оригинальных наблюдений, но материал порой изложен конспективно, скороговоркой. Автор внимательно отнесся к большому и плодотворному труду украинских литературоведов, занимающихся творчеством Леси Украинки, но, к сожалению, не использовал некоторые работы украинских критиков, посвященные вопросам стиля и языка Леси Украинки; а они обогатили бы эту часть его очерка.

В целом книга о Лесе Украинке—полезное и удачное начинание. За этой книгой должны последовать работы о Шевченко, Франко, Коцюбинском, Грабовском и других украинских классиках, как непременное дополнение к многотомным изданиям их сочинений на русском языке.

А. Дейч. Леся Украинка. ГИХЛ. 1953 г. 132 стр.

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Мне часто и много приходится ездить по стране, выступать в различных оперных театрах, петь во дворцах культуры, в рабочих и колхозных клубах. В общении с чуткой и взыскательной аудиторией любящих искусство советских людей всякий раз черпаешь новые творческие силы.

В июле вместе с бригадой артистов мне вновь пришлось побывать в гастрольной поездке: выступали в Брянске, Калинине, Калуге, Вологде, Ярославле, Костроме. Много интересных впечатлений оставила эта поездка, но об одном, особо памятном концерте хотелось бы рассказать подробнее.

В Костромской области существует и поныне деревня, где жил и совершил геройский подвиг простой русский крестьянин Иван Сусанин. Меня, понятно, это интересовало: Сусанин—любимейшая моя роль, в которой я выступаю много лет; я сжился, сроднился с близким мне образом, так ярко воссозданным Глинкой. Вот и потянуло меня на родину любимого героя...

Когда наша бригада прибыла в Кострому, я тотчас поинтересовался, далеко ли от города сусанинские места. «Вам районный центр Сусанино? Да часа три езды...»,— ответили мне.

В Сусанино нас радушно встретили, пригласили выступить. Пока там стали готовиться к концерту, мы поехали в Домнино (это километрах в восьми от районного центра).

Домнино — небольшая деревенька, домов около 20, стоящая на высоком берегу, по-над логом, где раньше протекала река Шача. Местность вокруг очень красивая: поля, река, далекий лес, холмы — все это кажется давно знакомым, все так дорого и близко сердцу...

Мы зашли в правление колхоза (он тоже носит имя Сусанина), познакомились и разговорились с колхозниками. 75-летний колхозник (жаль, забыл его фамилию) рассказал нам о Сусанине:

— У нас о нем из рода в род, из семьи в семью — память. Мой отец до 105 годов дожил. Так вот что он нам, молодым, рассказывал. Сусанин будто бы родом не домнинский, а из поселка Деревеньки — от нас версты 3—4. Он уже после в Домнино перебрался. Сказывали, сильный характером был человек и строгий. Изба его с краю стояла. Враги к нему вперед и зашли, приказали отвести в расположение русских войск, не то — грозили убить. Сусанин видит — отряд большой, не было бы беды, ну и решил погубить недругов. Мальчонке своему шепнул — скачи к нашим, дай знать, что враги рядом. А сам...

— Пойдемте на бугор, — сказал старик, — покажу вам, как Сусанин их повел. — Мы пошли, и старик показал рукою влево: — Во-он там болото — туда и повел. Сначала по лесу долго водил, заплутал, а потом — тропкой — в болото. Там все и погибли, — кончил он рассказ.

Нас пригласили к школе, где собрался народ; многие колхозники, узнав о концерте, пришли из соседних деревень.

— А теперь хор наш послушайте, — сказал председатель колхоза.

Перед школой на поляне выстроился хор, человек тридцать. Зазвучала «Песня о Иване Сусанине» на стихи Рылеева. Ее сложил в годы Великой Отечественной войны местный житель Федор Никифорович Овсянников. Песня эта очень понравилась нам, ее бы следовало передать по радио. В домнинском хоре участвуют и старики и молодежь. Наш рассказчик, смотрю, встал в хор, взял у кого-то бумагу с текстом и тоже запел...

Попросили спеть меня. Никогда, признаться, я так не волновался. Поднялся на лестницу перед школой — передо мной на поляне сотни людей. Налево, вдоль реки, болото, где Сусанин погиб, направо, в деревне, церковь видна, под которой, по преданию, он похоронен. Спел я предсмертную арию Сусанина, пел без всякого музыкального сопровождения. После товарищи мои говорили, что с чувством пел, да я и сам это сознавал.

Тепло простившись с колхозниками, мы вернулись в Сусанино. Дом культуры, где мы должны были выступать, уже был переполнен, ребятишки залепили все окна, а те, кто не попал, толпились на улице.

Мы решили дать монтаж нескольких сцен из «Ивана Сусанина». Пианистка Е. К. Лужницкая сыграла увертюру к опере (как нам сказали, за несколько дней до нашего приезда Дом культуры приобрел пианино). Партию Антониды исполнила А. С. Кузнецова. Почти полностью сыграли мы сцену поляков и Сусанина в избе. По ходу действия мне нужен был Ваня, — я попросил из публики мальчика, сказал ему, как держаться на сцене, и он прекрасно сыграл первую, быть может, в жизни своей «роль».

Как встречали нас, как принимали, трудно передать! Когда запел арию «Чуют правду...», словно замер зал... Пою, а сам словно вижу все то, о чем пою. Как-то само собой получилось, что на словах: «Туда завел я вас, куда и серый волк не забегал...», повернулся я и рукой указал в сторону Домнина, на болото...

В заключение наша пианистка сыграла торжественное «Славься...»

Невозможно было уйти со сцены — требовали нас снова и снова. Выступил мастер художественного слова Н. Л. Бармин. Кузнецова и я спели дуэты «Во субботу, день ненастный», «Ванька-Танька», украинский дуэт «Явтуше»... Я спел еще арию мельника из «Русалки», русские народные песни, балладу Е. Петунина о Герое Великой Отечественной войны, старом великолукском колхознике Матвее Кузьмине, повторившем подвиг Ивана Сусанина...

Так прошел памятный для всех нас концерт. И как радостно было сознавать, что крепко живет в народе память о герое, что слава его, пройдя сквозь столетия, звучит в песнях, в делах советских людей.

М. МИХАЙЛОВ

СЮЖЕТЫ С КОММЕНТАРИЯМИ

В старейшем художественном вузе страны — Ленинградском институте имени И. Е. Репина открылась выставка дипломных работ. Среди многочисленных полотен немало талантливых произведений. К ним, в первую очередь, относится небольшая по размерам, но самая «заметная» на выставке картина М. Клионского «После собрания».

Сюжет ее несложен. Закончилось комсомольское собрание. Опустел зал. И только за столом президиума мы видим понурую фигуру «раскритикованного» секретаря комсомольской организации. Он все еще старается осмыслить происшедшее, не подозревая, что за ним с любопытством, но без тени злорадства, наблюдают товарищи. В картине все просто и ясно. Уберите этикетку с названием, и зритель все равно поймет ее содержание. Больше того, по отдельным деталям, верно и остро подмеченным художником, можно представить себе, что именно предшествовало этой сцене и что произойдет в последующее мгновенье.

Не нуждаются в каких бы то ни было комментариях и сюжеты многих других картин. Но попробуйте, не читая аннотации, точно определить тему большого полотна Т. Оганесова «Создатели хлопкоуборочной машины». Бескрайнее хлопковое поле. Справа — груда уже собранного хлопка, над нею — силуэт хлопкоуборочной машины. Среди персонажей выделяется человек в ослепительно белой одежде, изображенный в самом центре картины. В руках у него хлопковая коробочка. Кто это? Председатель колхоза? Агроном? Секретарь райкома? Нет. Перед нами один из конструкторов хлопкоуборочной машины. Чтобы убедиться в этом, необходимо прочитать аннотацию. Картина могла бы называться и иначе: «Богатый урожай», «Начало уборки», «Сбор хлопка» и т. д. Автор не нашел правильного композиционного решения сцены, не сумел ярко воплотить свой замысел. Это тем более обидно, что по живописным качествам картина Оганесова — одна из лучших на выставке.

Недостаточно ясно передан авторский замысел в произведениях С. Мамбеева «Ветеринарный врач у чабанов», Е. Плотникова «На Петроградский фронт», В. Саморезова «Решающая минута» (испытание изоляции гидрогенератора на заводе «Электросила») и некоторых других. Неудивительно, что недостаток изобразительных средств художники вынуждены «компенсировать» многословными этикетками.

Серьезная неудача постигла в этом году выпускников графического факультета: работы шести из них признаны посредственными, две—хорошими и лишь одна—отличной. Досадно, что среди дипломных работ слабыми оказались и листы, иллюстрирующие произведения советских писателей.

Иллюстрации призваны помочь читателю полнее и глубже понять события, которые описываются в книге, ярче представить ее персонажей. К сожалению, ни одна из дипломных работ нынешнего года этой основной задачи не выполняет. Без этикеток невозможно определить, какой именно эпизод решил воспроизвести художник, узнать знакомых литературных героев. Иллюстрации К. Владимирова и В. Ипполитова к произведениям Э. Казакевича, Л. Беляева—к «Школе» А. Гайдара и В. Осечкина—к «Они сражались за Родину» М. Шолохова низки по своему профессиональному уровню и так сходны по стилю, будто сделаны одной и той же рукой. Многие из них отмечены печатью спешки, недоработанности, унылого однообразия. Один из рисунков В. Осечкина напоминает загадочную картинку. Надо обладать богатой фантазией, чтобы в случайном сочетании штрихов и пятен разглядеть изображение подбитых танков.

О стремлении авторов итти по линии наименьшего сопротивления говорит и увлечение ночными сценами. Так, в трех иллюстрациях Ипполитова действие происходит ночью, а в четвертой (последней по счету!) — на рассвете. «Темнота» избавляет художника от необходимости прорабатывать детали, скрадывает неточности в рисунке, позволяет избежать самого трудного — психологической характеристики героев. По этой же причине большинство персонажей изображено либо со спины, либо в таком раккурсе, что разглядеть выражение лиц невозможно.

Умение добиться простоты и ясности, «доходчивости» сюжета — один из признаков профессионального мастерства художника. Хорошая картина или рисунок не нуждается в пояснении. И хотя мы не против аннотаций, — они, безусловно, необходимы, но зритель должен обращаться к ним, главным образом, за тем, чтобы узнать фамилию автора, сумевшего убедительно раскрыть на полотне замысел своего произведения.

Ю. ДАШЕВСКИЙ

ЖИЗНЕРАДОСТНАЯ КОМЕДИЯ

В доме отдыха «Озерки» все чувствуют себя прекрасно. Да и как может быть иначе, если все вокруг—живописные озера, чудесные луга, причудливые скалы — вызывает светлую улыбку, рождает хорошее настроение. Однако среди веселой и шумной толпы отдыхающих выделяется мрачная фигура пожилого человека. Он недоволен решительно всем: и комнатой, хотя она очень уютна, и обедом, который всем нравится, и жильцом за стеной, и даже природой.

И надо же так случиться, что у этого несносного ворчуна оказалась столь неподходящая фамилия — Ангел. Уже одно это несоответствие вызывает смех и у людей, окружающих Ангела, — в фильме, и у зрителей — в кинозале.

Авторы сценария новой чехословацкой кинокомедии «Ангел в отпуске» — Иозеф Неуберг, Франтишек Влчек, Ярослав Моттл строят произведение не на сложном, запутанном сюжете, острой комедийной интриге. Основой комедии является противоречие между характером главного героя и средой, обстоятельствами, в которых ему приходится действовать. На фоне людей энергичных, жизнерадостных, приветливых Ангел выглядит особенно нелепым и смешным. Однако режиссер Б. Земан не теряет чувства такта и не воздвигает между Ангелом и окружающими какой-то непреодолимой преграды. К Ангелу, несмотря на его трудный характер, отдыхающие относятся вполне дружелюбно (конечно, с известной иронией), стараются втянуть его в свой веселый, дружный коллектив. И постепенно в кругу хороших, добрых, чутких людей старый трамвайный контролер Ангел, который привык в каждом видеть пассажира без билета, понял, что значит по-настоящему любить и уважать человека, понял, что нужно верить людям. Так простой, бесхитростный комедийный рассказ завершается важной мыслью. И возникает она не благодаря указующему персту авторов и режиссера, эта мысль подсказана органическим развитием характера героя.

Советские зрители, недавно познакомившиеся с кинокомедией «Пекарь императора», в этом фильме вновь с удовлетворением отметят мастерство чехословацких кинематографистов, не позволяющих себе ни наигрыша, ни грубых трюков. Очень просто, без малейшего нажима играет роль Ангела талантливый артист Ярослав Марван. Но настолько велика внутренняя убежденность актера в том, что только так может поступать и говорить его герой, что это и рождает подлинную комедийность образа. Задатки хорошего комического актера нетрудно угадать в И. Кемре, исполняющем роль столяра Выглидки, — к сожалению, только задатки, потому что фильм и прежде всего его сценарий не позволяют артисту раскрыть свое дарование в полной мере.

Кстати, это общий недостаток картины: авторы и режиссер нередко упускают возможности для создания живых комических эпизодов и характеров. Когда смотришь фильм, смеешься часто. Но в картине могло быть больше ситуаций, комических образов, вызывающих смех. Так, например, интереснее и правильнее было бы показать незадачливых супругов Павлатовых в комедийном плане, тем более, что мотивы их ссор и столкновений случайны, несерьезны.

Люди, под влиянием которых меняется герой фильма Ангел, не просто милые, добрые курортники, — это труженики свободной Чехословакии, в облике их — и это хорошо показано — отчетливо видно то новое, что принес демократический строй.

С интересом смотрят советские зрители комедию «Ангел в отпуске». Картина — не только хороший отдых и развлечение; она знакомит с сегодняшней жизнью чехословацкого народа. Эта жизнь и определила оптимистический дух фильма, его светлое мироощущение.

Н. ИГНАТЬЕВА

Говард ФАСТ

АМЕРИКАНСКИЙ ДНЕВНИК

Под таким названием итальянская прогрессивная газета «Унита» напечатала серию очерков об Америке известного американского писателя Говарда Фаста. Несколько очерков, взятых нами из этой газеты, мы публикуем с небольшими сокращениями.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОЕЗДЕ

В моей стране не все люди скроены на один лад. Так называемый миф о «плавильной печи», основанный на стремлении подогнать всех американцев под один стандарт—среднего англо-сакса с голливудской окраской,— потерпел крах. Америка попрежнему остается страной различных человеческих агломератов: негров и испанцев, выходцев из Италии и поляков, немцев и шведов, американских индейцев и японцев, а также представителей других народов.

Мы, американцы, не все мыслим одинаково, несмотря на то, что долгие годы сидим на одинаковой насильственной диэте, основанной на лжи и клевете.

Несколько недель тому назад мне пришлось два раза подряд побывать в Новой Англии, в Бостоне, где я выступал на публичных диспутах. Чтобы попасть туда, нужно совершить четырехчасовое путешествие вдоль побережья через Бриджпорт, Нью-Хэйвн, Нью-Лондон и Род Айлэнд. Поезда здесь курсируют не бог весть какие: идут они медленно, в вагонах не очень чисто, а в вагоне-ресторане крошечные порции стоят баснословно дорого. И все же поезд — лучшее место для человека, желающего поближе узнать американцев, если, конечно, путешествовать в третьем классе и избегать первого...

Этот поезд, идущий в Бостон, в порты Коннектикута, всегда заполняют матросы; очень молодые и очень одинокие, они кажутся почти детьми в своих голубых матросках с широкими воротниками. Я беседую с ними и прислушиваюсь к их разговорам. О войне они почти не говорят, а если и говорят, то в их словах слышится надежда, что их не ушлют воевать куда-нибудь далеко, в неведомые края. Они говорят о бейзболе и о боксе, о девушках и о том дне, когда кончится, наконец, их военная служба. Собираясь в вагон-ресторан, они тщательно пересчитывают свои карманные деньги. Некоторые решаются купить только одну бутылку пива и подолгу сидят со стаканом в руках, стараясь подольше растянуть удовольствие.

Таков, в немногих словах, портрет американских моряков. Но в этом поезде можно также встретить много штатских: мужчин, женщин, студентов... Железнодорожная линия, ведущая в Бостон, проходит через крупные университетские центры. Именно этой дорогой направлялся я в один из известнейших университетов, чтобы участвовать в диспуте на тему: «Справедлива или не справедлива война в Корее?»

Здесь мне хотелось бы вернуться к случаю, происшедшему месяца два назад. Однажды ночью, после того, как мы с женой уже легли спать, в прихожей внезапно раздались длинные звонки и яростный стук в дверь. Разбуженные дети были напуганы, и жена пыталась их успокоить, а я между тем подошел к двери. Оказалось, что явился один из агентов сенатора Маккарти — вожака американских фашистов. Агент потребовал, чтобы его впустили. Было уже 2 часа ночи, и я ответил, что в такое позднее время никому отпирать не намерен. Надрываясь от крика, он стоял на своем, угрожая в противном случае вызвать полицию и взломать дверь. Я наотрез отказался впустить его, двое моих детей, девяти и пяти лет, плакали от испуга...

Подумайте, что было бы, если бы я рассказал об этом случае матросам и штатским, мужчинам и женщинам, ехавшим вместе со мною в Бостон? Я, конечно, ничего им не рассказал, но если бы я это сделал, они, очевидно, не поверили бы моим словам. «Это невозможно: ведь мы живем в Америке»,— ответили бы они мне. И все же я уверен, что в их душах живет чувство опасения перед возможностью того, что агент министерства юстиции постучится в дверь к кому-нибудь из них. Другими словами, эти люди знают и в то же время не знают, что творится вокруг них; они изрядно дезориентированы и им знакомо чувство гнетущего страха.

Большинство из них не знает, что американское правительство тайно построило уже пять огромных концентрационных лагерей. Однако время от времени они все же вычитывают из газет какое-нибудь сообщение, внушающее им тревогу, например, рассказ о судьбе одного специалиста, работа которого была связана с получением атомной энергии. Заболев какой-то загадочной болезнью, он долгие месяцы до самой смерти находился в особой больнице в условиях строжайшей изоляции: боялись, как бы в агонии он кому-нибудь не открыл известных ему секретов производства атомной бомбы. Так и умер этот несчастный вдали от людей. Каким-то образом эта история попала на страницы газет и вызвала у американцев дрожь страха. На один миг народ почувствовал истинные масштабы надвигающейся трагедии. Но такие вещи происходят редко. Год за годом, на протяжении многих лет нас пичкают ложью.

Я начал рассказывать о том, как я сел в поезд и направился в Бостон — город, некогда известный и славный. Бостон был колыбелью американской революции, родиной таких людей, как Поль Ревир * и Самюэл Адамс**, однако сейчас Бостон известен больше, как город Филбрика. Этот человек занимает должность секретного агента, то есть шпиона и провокатора, в американской Федеральной тайной полиции. Он проник в ряды коммунистической партии и предал сотни товарищей, выступая с ложными свидетельскими показаниями против них. В награду за это губернатор штата Массачузетс установил в его честь «День Филбрика»...

Может показаться, что американцы как будто мирятся с тем, что им суждено жить в обществе, окружающем почестями людей, подобных Филбрику. Но это не так. В душе каждый отдает себе отчет в том, что субъекты, предающие тех, кто считал их своими единомышленниками, не заслуживают ничего, кроме презрения и ненависти. Американцы понимают, что со многими близкими и дорогими им людьми поступают поистине ужасно, но не все еще различают облик того чудовища, с которым сталкиваются теперь лицом к лицу.

* Поль Ревир (1735—1818) — американский патриот, прославившийся в период борьбы против британского владычества.

** Самюэл Адамс (1722—1803) — буржуазный деятель, организатор освободительного движения в английских колониях в Америке, выступал против рабства негров.

ДИСПУТ У СТУДЕНТОВ БОСТОНА

Как я уже сказал, за одну неделю мне пришлось дважды побывать в Бостоне. Было это в середине апреля. Обе поездки явились этапами длинного путешествия по Америке, которое я предпринял вскоре после окончания войны.

Студенческий совет Гарвардского университета и факультет права этого университета пригласили меня выступить на диспуте о положении в Голливуде. Но едва я дал свое согласие, как волна репрессий и запугиваний, захлестнувшая Голливуд, докатилась до Бостона и до Гарвардского университета. Гнусное учреждение, именуемое комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, распространив свой суд и расправу и на Новую Англию, развернуло свою деятельность в Гарварде.

Напуганный студенческий совет университета немедленно аннулировал присланное мне приглашение. Однако некоторые студенты решили, видимо, что это уж слишком, и от своего имени пригласили меня в Бостон на другой диспут. Я принял приглашение. Моим оппонентом оказался некий профессор Рейхаур, заведующий кафедрой Среднего Востока, крупнейший в Гарварде авторитет по японскому и корейскому вопросам. Тема диспута была следующая: «Способствует ли армия Объединенных Наций в Корее укреплению дела мира?» Забегая вперед, скажу, что я, разумеется, ответил на этот вопрос отрицательно.

Не стану скрывать, что, когда я узнал, кто будет моим оппонентом на диспуте, меня охватило волнение: ведь я черпал знания где придется, по большей части в общении с простыми людьми, в бедных, грязных кварталах Нью-Йорка; даже студенты как будто были озабочены подавляющим превосходством моего оппонента. И все же, пытаясь опровергнуть мои аргументы, профессор потерпел поражение. Поначалу, оглядев зал, битком набитый студентами, он улыбнулся и заявил, что вопрос настолько прост и ясен, что, по его мнению, не может служить поводом для дискуссии. «Что же нас привело в Корею, как не стремление защитить мир?»

Я, со своей стороны, целую неделю, день за днем собирая данные и факты к диспуту, обрушил на аудиторию целую лавину аргументов. Выкрикам этого профессора, его выпадам и клевете я противопоставил, один за другим, огромное количество конкретных фактов, так что в конце диспута студенты либо открыто перешли на мою сторону, либо, пораженные, сидели молча. Лицом к лицу столкнулись они с беспощадными фактами; железный занавес лжи и грязной клеветы на мгновенье приподнялся, и они получили возможность увидеть, что за ним скрывается. То, о чем они смутно догадывались, было конкретизировано у них на глазах.

В тот вечер мои слова убедили пятьсот юношей и девушек. Но пятьсот человек — это еще так мало!

Два дня спустя я снова был в Бостоне, на этот раз на диспуте о свободе культуры, организованном в Бостонском университете. В роли моих оппонентов выступали продажный субъект, троцкист Джэймс Фэррел и старый фашист и клерикал с грязной душонкой Людвиг Льюисон.

Цензура ни в коей мере не распространяется на этих двух субъектов, как, впрочем, и на фашизм вообще. Единственную опасность, с точки зрения цензуры, представлял в данном случае я — Говард Фаст.

Не часто мне приходилось встречать людей, подобных этим, душой и телом продавшихся реакции, принявших на себя обязанность защищать и оправдывать любые зверства империалистов. Битых два часа Фэррел и Льюисон кричали, источая весь свой яд, весь запас клеветы и лжи.

О том, что произошло дальше, я расскажу не потому, что хочу похвастать своей способностью убеждать, а только для того, чтобы доказать: за много лет настойчивого обмана наша молодежь не разучилась еще думать самостоятельно, по крайней мере в определенных пределах. Мне не нужно было отвечать на нападки: достаточно было обратиться к фактам. Аудитория согласилась с моими доводами и отвергла аргументы моих противников. В конце диспута шесть учеников Людвига Льюисона, который преподает в университете, подошли ко мне и поблагодарили за участие в диспуте.

Нет нужды перечислять здесь все те мерзости, которые творит у нас реакция. Из Кореи вернулись больные и раненые американские военнопленные. И здесь, в Соединенных Штатах, некоторых из них держат под замком подальше от людей, пока их головы будут «очищаться» от всяких следов «коммунистических» идей, которыми они «заразились» в Корее.

Я часто задумываюсь над тем, что со мной будет, когда тайная полиция возьмется за «чистку» моего мозга, как это делалось в гитлеровской Германии и фашистской Италии. Но когда меня охватывают такие мысли, я вспоминаю одного за другим знакомых мне людей — мужественных, спокойных и добрых, старых и молодых, которые уже разрушили стену лжи, окружавшую их, и в конце концов познали истину. И когда я вспоминаю о них, страх покидает меня. Со мной случилось то, что на первый взгляд может показаться странным: я полюбил свою страну и свой народ совсем по-новому, во много раз сильнее.

За последние годы я побывал в Бостоне по меньшей мере раз двадцать, работая над книгой о Сакко и Ванцетти и о том Бостоне, который приговорил их к смерти. Книга эта недавно окончена, и я могу сказать, что когда я ее писал, я чувствовал, как близки мне эти двое рабочих, такие простые и славные, честные и храбрые. Возвращаясь к их истории, я имел возможность почувствовать их величие и понять, что силы, стоящие на нашей стороне сегодня, намного внушительнее, чем 26 лет назад, когда они были казнены.

ИСТОРИЯ ПРОФЕССОРА ТЭНДИ

Естественно, что те, кто хотел бы установить в Соединенных Штатах фашизм, стараются не повторять ошибок Гитлера и Муссолини. В то же время их основным и наиболее распространенным оружием является террор, включающий преследование отдельных лиц, внесение их имен в черный список, подавление личности, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Для иллюстрации этого дьявольского процесса я не могу найти лучшего примера, чем дело В. Лоу Тэнди. Профессору Тэнди пятьдесят один год, из них девятнадцать лет он был преподавателем в педагогическом колледже штата Канзас. В продолжение всего этого времени он, как педагог, всегда был на прекрасном счету.

Профессор Тэнди олицетворял собою тех американцев, которые часто встречаются в среде ученых и преподавателей. По своим воззрениям и образу мышления он был умеренным либералом. Он не являлся членом коммунистической партии и даже никогда не сотрудничал с коммунистами. Он был либералом и честным человеком, но и только. В октябре 1952 года профессор Тэнди получил, среди других писем, петицию с требованием амнистии для руководителей Коммунистической партии Соединенных Штатов, приговоренных к длительному тюремному заключению в результате грязного процесса, состряпанного при помощи сфабрикованных обвинений. Под петицией уже стояло несколько десятков подписей представителей интеллигенции, профессоров университетов и служителей культа. Внимательно прочитав этот документ, профессор Тэнди был потрясен. Впоследствии он говорил: «Прежде, чем поставить свою подпись под петицией, я внимательно изучил и петицию, и сопровождавшее ее письмо, подписанное людьми, составившими этот документ. Я понял, конечно, что петиция была направлена на защиту некоторых коммунистических лидеров, но когда права человека подвергаются опасности, когда человек становится жертвой несправедливости, тут уж не до размышлений о том, к какой расе принадлежит данное лицо, каковы его религиозные, философские, политические или экономические взгляды. В подобных случаях меня беспокоит только один вопрос: справедливо или несправедливо с ним поступили...»

Профессор Тэнди забыл, очевидно, что заниматься выяснением того, что справедливо и что несправедливо, можно было в прежние времена, а в наши дни в США это крайне опасно. Его поступок был простым проявлением человеческой честности, но этот поступок оказался первым звеном в цепи событий, исковеркавших его жизнь.

Первой забила тревогу местная газета «Эмпориэл дэйли газетт», выступающая, как, впрочем, и вся реакционная американская печать, за политику войны. Эта газета опубликовала статью, в которой подчеркнула тот факт, что профессор Тэнди был в числе лиц, подписавших петицию. Вскоре после этого профессора Тэнди вызвал к себе ректор колледжа Джон Джекобс и заявил ему: «Для меня это совершенно равноценно тому, что вы примкнули к коммунистической партии. Теперь мой долг — уволить вас. И как только дело получит широкую огласку, я вас тотчас же уволю».

И вот жизнь профессора Тэнди превратилась в кошмар. Коллеги уговаривали его подать в отставку, а какой-то незнакомец по телефону посоветовал ему «возвратиться в Россию». Заголовки газет кричали о том, что профессор Тэнди является «эмиссаром» коммунистов. Наконец 19 января этого года он получил официальное извещение об увольнении из колледжа.

Каково положение профессора Тэнди сейчас? У него жена и двое детей, но ни одна американская школа не смеет пригласить его в качестве преподавателя. Его имя занесено в секретный черный список, и даже если бы он захотел занять место продавца, этот черный список настиг бы его и тут, и преследования начались бы снова. Таким образом, профессор Тэнди фактически вычеркнут из жизни. Это равносильно тому, что его заключили в концентрационный лагерь. Но, пожалуй, если бы его действительно посадили в концлагерь, это было бы «гуманнее».

Может быть, случай с профессором Тэнди—исключение? Нет. Я выбрал его в качестве примера потому, что Тэнди никогда не был связан с левыми кругами. Можно было бы привести сотни подобных случаев. Волна террора катится из конца в конец страны и проникает в наши школы. Сотни профессоров изгоняются из университетов, захлеснутых волной террора, подобно тому, как это было в гитлеровской Германии. Некоторые, например, профессор Ричард Лайман Брэдли из Нью-йоркского университета и профессор Ральф Гундлах из университета штата Вашингтон, были брошены в тюрьму; другие оказались в положении профессора Тэнди.

Из всего этого видно, какая реакция наступила в различных высших учебных заведениях Америки. Преподаватели, находящие более уместным не преподавать; студенты, находящие более уместным не думать; исследователи, находящие более уместным не заходить слишком далеко в своих изысканиях; ученые, находящие более уместным умалчивать о результатах своих открытий,— такова картина.

В 1948 году, когда в стране стала утверждаться и распространяться эта форма террора, почти сто преподавателей были изгнаны из университетов и лишены кафедр. Теперь террор приобрел поистине неслыханный, чудовищный размах. Комиссия Маккарти шпионит за университетами. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности шпионит за университетами. Различные местные комиссии шпионят за университетами. И не один президент университета, охваченный паническим страхом, по собственной инициативе тоже начинает «охоту за ведьмами».

Как следствие этого, гнетущий страх тяготеет над мыслями американцев. И все же нельзя сказать, что сопротивление в Америке задушено.

(Продолжение следует)

Анри Мартэн на свободе!

Анри Мартэн. (Фотоснимок сделан до заключения в тюрьму).
Снимок из французской газеты «Юманите-диманш»

Свободу Анри Мартэну! Свыше трех лет эти слова не сходили со страниц прогрессивных французских газет, взывали со стен зданий, с железнодорожных вагонов, с асфальта автострад, гремели на митингах и демонстрациях. Франция требовала свободы своему верному сыну, герою борьбы за мир, смело поднявшему голос против позорной войны во Вьетнаме и приговоренному за это к пяти годам каторги.

Французские патриоты были неутомимы в своем стремлении добиться отмены несправедливого приговора. По всей Франции были организованы комитеты борьбы за освобождение доблестного моряка. Писатели создавали стихи, пьесы, песни, книги в защиту узника каторжной тюрьмы. Одна из таких книг — «Дело 2078», принадлежащая перу писательницы Элен Пармелэн, вышла совсем недавно. Она рассказывает правду о деле Анри Мартэна и о кампании за его освобождение. Сегодня книга Элен Пармелэн—летопись выигранной битвы. Французские патриоты заставили пересмотреть приговор по «делу 2078». Анри Мартэн вырван из лап тюремщиков. Анри Мартэн на свободе! Демократические силы Франции одержали победу.

Известие о том, что Анри Мартэн освобожден из тюрьмы, наполняет радостью и гордостью сердца сторонников мира во Франции и во всем мире, оно придает новые силы патриотам Вьетнама, в глазах которых Анри Мартэн олицетворяет французский народ.

Чувство братской признательности герою-моряку, другу свободного Вьетнама, выразил в своем стихотворении «Каждый из нас знает твое имя» вьетнамский поэт, боец Народной армии Нгуен Дин Ти:

У нас с тобой одни враги, Анри Мартэн,
И ненависть одна у нас в сердцах:
Мы ненавидим империалистических
убийц.
Мы любим тебя,
Анри Мартэн,
Мы любим Францию,
мы любим ее народ,
Который, как и мы, сражается за мир.

Анри Мартэн вышел из тюрьмы со словами: «Мир Индо-Китаю! Да здравствует свобода!»

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ЖУРНАЛА „КОЛЬЕРС"

Американский журнал «Кольерс» — в состоянии тяжкой болезни...

Некогда один из самых распространенных в США иллюстрированных еженедельников, «Кольерс» в 1951 году прошумел на весь мир неслыханно наглым даже для американской реакционной печати призывом к войне против Советского Союза.

«Гнусная провокационная выходка»,— сказали по адресу «Кольерса» простые люди в Америке и во всем мире. Один американский читатель, Ле Бутийе, в письме в редакцию «Кольерса» заявил о своем решении «никогда не покупать журнал «Кольерс» и не иметь его в своем доме». Такое же решение приняли миллионы американцев.

Хулиганская выходка наемных бандитов пера из «Кольерса» дорого обошлась издающей его компании Кроуэлл—Кольер. Читатели отвернулись от журнала. И он начал постепенно хиреть.

Как сообщила недавно американская печать, журнал «Кольерс», в течение 65 лет выходивший еженедельно, с 7 августа этого года будет выходить раз в две недели. «Тайм» пишет, что компания Кроуэлл — Кольер решила пойти на такое средство для того, чтобы спасти «заболевший журнал» от окончательной гибели. А признаки острой «болезни» налицо: сколько ни вводила в последнее время редакция журнала всякие «новшества», сколько ни перетряхивала штаты сотрудников, ничто не помогало — сбыт тиража падал и падал. Сперва хозяевам «Кольерса» пришлось сократить объем журнала, а теперь превратить его из еженедельного в двухнедельный.

Издателям «Кольерса» не хочется сознаться в истинных причинах провала этого еженедельника. Они ссылаются на «конкуренцию телевидения». Но подлинная причина ясна: «Кольерс», выступивший в роли наглого поджигателя войны, настолько скомпрометировал себя в глазах американских читателей, что они перестали его покупать.

Как живет западноберлинский техник Гюнтер Энгст

Провокационный жест американских «благотворителей», вознамерившихся оказать населению Германской Демократической Республики так называемую «продовольственную помощь», вызвал возмущение и негодование не только в ГДР, но и среди жителей Западной Германии.

В советской печати уже сообщалось о массовых выступлениях западноберлинских безработных, открыто выразивших свое возмущение этим очередным пропагандистским трюком. 30 июля в Западном Берлине состоялась крупная демонстрация безработных, протестовавших против американской затеи с «продовольственной помощью».

Гнев западноберлинских безработных вполне понятен. 240 тысяч безработных Западного Берлина и сотни тысяч пенсионеров находятся в отчаянном положении, влачат полуголодное существование. Вот кто действительно нуждается в помощи. Но американских радетелей о благе немецкого народа это обстоятельство ничуть не беспокоит!

Демократическая берлинская газета «Нейес Дейчланд» опубликовала на днях документ, ярко показывающий, сколь тяжело положение жителей Западного Берлина, оставшихся без работы. Это — письмо безработного Гюнтера Энгста «обер-бургомистру» Западного Берлина Рейтеру, ярому стороннику раскола Германии, одному из организаторов «дня икс».

Кто такой Гюнтер Энгст? По профессии он техник. Женат, у него трое детей. С сентября 1950 года (почти три года!) он не имеет работы. Но он все же один из тех счастливцев, которые получают в «боннской республике» грошовое пособие по безработице.

Энгст услышал передачу американской радиостанции РИАС о том, что рейтеровский магистрат собирается сказать «продовольственную помощь» жителям демократического сектора — «облагодетельствовать» их залежалыми американскими продуктами. Возмущенный до глубины души, он явился в редакцию «Нейес Дейчланд». «В редакциях западных газет меня никто не станет слушать», — объяснил он.

«В понедельник, 13 июля 1953 года,— пишет газета,— Гюнтер Энгст, житель американского сектора Западного Берлина (улица Унтер ден Эйхен, № 121) услышал передачу радиостанции РИАС». В радиопередаче сообщалось о том, что рейтеровский магистрат, во главе с «бургомистром» района Крейцберг Крессманом, собирается организовать дешевую распродажу продовольствия жителям восточного сектора. «После того, как смысл этого сообщения «дошел» до Энгста, он вспомнил о письме, направленном им 8 июля в канцелярию главы западноберлинского сената Рейтера. Возмущенный Энгст пришел со своей дочерью Ханнелорой в редакцию «Нейес Дейчланд» и принес копию этого письма со штампом, удостоверяющим его получение канцелярией «обер-бургомистра».

Вот выдержки из письма Энгста.

«Господину обер-бургомистру профессору Рейтеру

БЕРЛИН

Глубокоуважаемый господин обер-бургомистр!

С глубоким возмущением узнали мы, западноберлинские безработные, о повышении окладов министрам с 36.000 марок до 49.500 марок [1]... Разве вы все забыли о нищете обездоленного народа? Разве вы не знаете, что сотни тысяч западноберлинских безработных, пенсионеров и людей, получающих пособие по социальному страхованию, влачат более чем жалкое существование? Что тысячи отцов семейств не в состоянии даже по воскресеньям порадовать своих детей колбасой, сыром или фруктами? Знаете ли вы, что на пособие, которое получают последние несколько лет безработные, нельзя купить даже того, что в самые тяжелые времена выдавалось по карточкам?

Все вы толкуете только о нужде в восточной зоне, не замечая того, что происходит в вашем непосредственном окружении. Какой прок сотням тысяч людей от заполненных товарами западноберлинских магазинов, если эти люди не в состоянии приобрести даже самое необходимое? Все вы говорите о несчастных беженцах [2], которым необходимо помочь. Но я думаю, что выражу чувства сотен тысяч людей, если скажу: *позаботьтесь и о своем западноберлинском населении*, прежде чем презрительно отзываться о положении населения восточной зоны!

Вы все закрываете глаза на великую нищету в собственном доме и делаете это не без умысла, так как разговоры о беженцах служат вашим политическим целям. Вам следовало бы видеть свою основную задачу в устранении безработицы...

А что достается безработным, людям, получающим пособие от органов социального страхования, пенсионерам? 3,6 марки в неделю на пять человек — вот великодушная надбавка на дороговизну, полученная ими в 1951 году... Но я могу заверить вас, господин обер-бургомистр, что вам еще придется столкнуться с существующими на пособие жителями Западного Берлина; народ может стерпеть все, но не такую безграничную несправедливость.

Der Senat von Berlin
1.7.53

Günther Engst
Lichterfelde-West,
Unter den Eichen 121.

Berlin, Juli 1953

Herrn
Oberbürgermeister Professor Reuter

Начало письма Гюнтера Энгста «обер-бургомистру» Западного Берлина Рейтеру. Штамп в углу справа удостоверяет получение этого письма канцелярией Рейтера.
Снимок из немецкой газеты «Нейес Дейчланд»

В этом письме говорится о безработных, о людях, получающих пособие, о пенсионерах, но тем не менее мы ни в коем случае не можем забыть о сотнях тысяч жителей, доходы которых так малы, что нужда является их постоянным спутником. Несмотря на то, что они работают, им приходится терпеть большие лишения. Сегодня я обращаюсь к вам, господин обер-бургомистр, с настойчивым призывом: сделайте что-нибудь для сотен тысяч нуждающихся граждан Западного Берлина.

Я говорю сейчас от имени сотен тысяч, и это не является необоснованным утверждением, ибо я один из тех, кто годами на собственном опыте познает, что такое нищета».

Свое письмо Гюнтер Энгст сопровождает подсчетом, в котором показывает, что после внесения платы за квартиру, газ и электричество у него остается сумма, позволяющая расходовать на обед лишь по 29 пфеннигов на человека.

Письмо это было написано 8 июля.

8 июля Энгст еще писал Рейтеру. Но 13 июля, узнав о новой американской провокации, он обратился уже не к нему, а в редакцию демократической газеты «Нейес Дейчланд». Демагогический трюк «благодетелей» вызывает негодование Энгста. Он, как и все трудящиеся Западной Германии, на собственном опыте убедился в «великодушии» американских покровителей и их боннских приспешников, политический курс которых привел к резкому ухудшению материального положения населения и огромному росту безработицы.

В беседе с сотрудниками редакции «Нейес Дейчланд» Гюнтер Энгст рассказал о жизни своей семьи — семьи безработного, годами перебивающейся на нищенское пособие.

Масла семья Энгста не покупает уже два года, а мясо после пятинедельного перерыва ели две недели тому назад; на семью из пяти человек было куплено 250 граммов!

«Уже в течение трех лет я влачу подобное жалкое существование, и вполне понятно, если я утверждаю, что дошел до такой нищеты, какую вряд ли можно встретить в восточной зоне», — с горечью говорит Энгст.

Тяжелую участь Энгста разделяют многие сотни тысяч жителей Западной Германии. Они разделяют и его возмущение. Для них все яснее и яснее становится, что провокационная шумиха с американской «помощью» вызвана желанием американо-боннских кругов взять реванш за провал авантюры 17 июня.

[1] Речь идет о принятом западногерманским бундестагом законе о повышении окладов боннским министрам. — **Ред.**

[2] Имеются в виду лица, которые, поддавшись посулам западногерманской пропаганды, покинули в свое время территорию Германской Демократической Республики. Ныне многие из них возвратились из Западной Германии обратно в ГДР. — **Ред.**

◇ ◇

В западных секторах Берлина. Образчик «демократии», насаждаемой врагами единства Германии — Аденауэром, Кайзером и К°.
Снимок из итальянского журнала «Вие нуове»

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-43, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02831.